

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных статей

**X международной
научной конференции**

г. Санкт-Петербург

7-8 октября 2014 года

**г. Санкт-Петербург
2014**

УДК 8
ББК 80

Научно-издательский центр «Открытие»
otkritieinfo.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ**

**Материалы IX международной научной конференции
4-5 февраля 2014 года г. Санкт-Петербург**

«Перспективы развития современной филологии»: Сборник научных статей X международной научной конференции 7-8 октября 2014 года, г. Санкт-Петербург. – С.-Петербург: «АЙСИНГ», 2014. - 97 с. – В надзаг.: Науч.-изд. центр «Открытие».

В данном периодическом издании представлены материалы докладов X международной научной конференции «Перспективы развития современной филологии».

В статьях обсуждаются проблемы современной филологической науки, анализируются вопросы русской и мировой литературы, проводятся сопоставительные исследования русского и других языков на разных уровнях языковой системы. Сборник представляет интерес для филологов различных исследовательских направлений, учителей-словесников, студентов-филологов и аспирантов.

Авторы научных статей
Научно-издательский центр «Открытие»

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. Русская литература

Брюхова Е. В.

ОБРАЗ ЧЁРНОГО ЧЕЛОВЕКА В ПОЭМЕ

С. А. ЕСЕНИНА 6

Григоренко С. Г.

КОНТИНУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ

М. А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» 10

Кузнецова Е. В.

ОБРАЗ «ЧАШИ ИЗ ЧЕРЕПА» В СТИХОТВОРЕНИЯХ

Ю. КУЗНЕЦОВА И И. ЛИРУЖА 16

Тонкоштан Д. Е.

ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

У Н. В. ГОГОЛЯ («ТАРАС БУЛЬБА»)

И П. МЕРИМЕ («МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ») 26

Филимонова П. В.

СВЯЗЬ НОЧНЫХ ТЕКСТОВ В ПОЭЗИИ Э. ЮНГА

(1683–1765) И М. Н. МУРАВЬЕВА (1757–1807)» 29

СЕКЦИЯ 2. Русский язык

Халитова Л. К., Гарипова Э. В.

КОНЦЕПТ «ПРОШЛОЕ» В РУССКОЙ МУЖСКОЙ

КОНЦЕПТОСФЕРЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 36

СЕКЦИЯ 3. Славянские языки

Жукова О. Т.

К ВОПРОСУ СИНОНИМИИ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
(НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА)..... 41

СЕКЦИЯ 4. Германские языки

Алекберова И.Э.

ДИРЕКТИВ - ИНВИТИВ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
КАТЕГОРИЯ ОБЩЕНИЯ 46

Павлова Ю. Б.

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИРОНИИ КАК СРЕДСТВА
СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА..... 51

Петрова И. М.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К АНАЛИЗУ КОНВЕРСИОННОЙ МОДЕЛИ N-V
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 61

Рустемова А. И., Шахпутова З. Х.

ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
«ПРОФЕССИОНАЛЬНО – ОРИЕНТИРОВАННЫЙ
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК» НА ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИХ
ФАКУЛЬТЕТАХ..... 69

СЕКЦИЯ 4. Теория языка

О. В. Ширяева

ТОП «АВТОРИТЕТ» В СИСТЕМЕ РИТОРИЧЕСКОЙ
АРГУМЕНТАЦИИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ
НА ДЕЛОВУЮ ТЕМАТИКУ 73

**СЕКЦИЯ 5. Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание**

Смирнова М. С.

ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ОЦЕНКИ В
ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ XX ВЕКА..... 78

Шаяхмет А.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
В ДЕТСКОЙ РЕЧИ СИМУЛЬТАННЫХ
БИЛИНГВОВ 83

СЕКЦИЯ 6. Прикладная и математическая лингвистика

Антипова А. П.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА LSP
(ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ)..... 88

СЕКЦИЯ 1. Русская литература

Брюхова Е. В.

Студентка 5 курса БФ БашГУ

ОБРАЗ ЧЁРНОГО ЧЕЛОВЕКА В ПОЭМЕ С. А. ЕСЕНИНА

Поэма С. А. Есенина «Чёрный человек» – одно из самых загадочных, таинственных и неоднозначных произведений поэта. Ее замысел у поэта возник во время его зарубежной поездки, значительная часть поэмы была написана за границей. Окончательное завершение приходится на ноябрь 1925 года.

Поэма требовала от мастера глубокого эмоционального напряжения и анализа происходящих событий. Это произведение стало самым крупным последним поэтическим творением Есенина. Читая поэму, невольно задаёшься вопросом: кто же этот таинственный незнакомец в чёрном цилиндре?

В литературе, как в русской, так и в зарубежной, мы можем встретиться с образом «чёрного человека», например, в «Фаусте» И.В. Гёте, «Чёрном монахе» А.П. Чехова, «Двойнике» Ф. М. Достоевского. В некоторых сказках, поэмах и повестях А. С. Пушкина встречается мотив вторжения потусторонних сил в жизнь человека, который реализуются в образе русалки, Медного Всадника, в фатума или рокового сна. Но наиболее ярко пересечение реального и потустороннего отражено в «маленькой трагедии» «Моцарт и Сальери», где фигурирует загадочный образ чёрного человека: *« М о ц а р т: Мне день и ночь / покоя не даёт / Мой чёрный человек./ За мною всюду,/ Как тень, он гонится./ Вот и теперь/ Мне кажется,/ он с нами сам-третей / Сидит...»* [1].

Есенинского «Чёрного человека» отделяет от пушкинского почти сто лет. По воспоминаниям ряда

современников, в последние годы своей жизни Есенин много размышлял о личности и творчестве Пушкина [2]. Чёрный человек в поэме Есенина возникает как страшное видение, как ночной кошмар: *«Чёрный человек/На кровать ко мне садится,/Чёрный человек / Спать не даёт мне всю ночь...»* [3]. Повторение словосочетания «чёрный человек» можно сравнить с навязчивым бредом, со смятением и страхом. Автор показывает, что это видение возникает у нездорового героя. Многочисленные повторы в первой строфе являются доказательством этого: *«друг мой, друг мой», «очень и очень», «болен», «боль»*.

Поначалу, можно подумать, что чёрный человек – антипод героя. Но на самом деле, это ошибочное мнение. Он выступает в роли его второго «я», обличающего первое. Но лирический герой совсем не узнаёт себя в портрете, который рисует ему чёрный человек: *«Чёрный человек / Глядит на меня в упор./И глаза покрываются /Голубой блевотой...»*. Но позже для нас открывается совсем неожиданная вещь: *«Я в цилиндре стою./Никого со мной нет»*. Трость, которую бросил в чёрного человека герой поэмы, разбила зеркало. Следовательно, таинственный незнакомец в чёрном цилиндре и есть сам лирический герой поэмы. Становится понятно, что чёрный человек – это двойник героя. Его образ абвивалентен, неоднозначен, он вобрал в себя все то, что герой считает в себе отрицательным. «Дуэль» с чёрным человеком послужила своеобразным духовным испытанием для лирического героя, поводом к беспощадному самоанализу. Благодаря этому герой приходит к пониманию собственной обречённости: все лучшее и светлое – в прошлом; будущее видится пугающим и беспросветным. Но чёрный человек – это смертельно опасный противник героя или «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»?

Существует несколько версий на тему: кем же был есенинский чёрный человек.

Один из исследователей этой темы в своей работе «Чёрный ангел-хранитель Есенина» М.П. Свириденков

рассуждает: «А что если чёрный человек был ангелом-хранителем Есенина, его совестью, знавшей, что поэт крестьянской Руси был «авантюрист, но самой высокой и лучшей марки»? Кто знает, возможно, Есенин увидел в чёрном человеке беса, потому что в стране, где вместо икон на стенах висели портреты безбожников и стали нетленными мощи кровавого вождя, нельзя было не перепутать святое и грешное...» [2].

Исследователи выдвинули еще одну версию, связывая образ «черного человека» с историческим лицом, а именно – с Троцким. Основана эта гипотеза на воспоминаниях художника Ю. Анненкова, которому в 1923 г. правительством было поручено написать портреты вождей революции. Одним из первых он писал портрет Троцкого: «Когда все мои эскизы к портрету Троцкого были закончены, и я должен был приступить к холсту, Троцкий сказал полушутя, полусерьезно:

— А как же мне нарядиться для портрета? Позировать в военной форме мне бы не хотелось. Могли бы вы набросать что-нибудь соответствующее для нашего портного?

Я набросал карандашом темную непромокаемую шинель с большим карманом на середине груди и фуражку из черной кожи, снабженную защитными очками. Мужские сапоги, широкий черный кожаный кушак и перчатки, тоже из широкой черной кожи, с обшлагами, прикрывавшими руки почти до локтей, дополняли этот костюм.

Вспоминаю, как во время одной из примерок я сказал:

— В этом нет ничего военного.

Троцкий улыбнулся:

— Но в этом есть что-то трагическое.

— Не трагическое, — ответил я, тоже рассмеявшись, — но угрожающее». Не эта ли «одежда революции» подсказала Есенину название поэмы — «Человек в чёрной перчатке» (Берлин, 1923 г.) и, наконец, «Чёрный человек»? На это указывают даты, общие знакомые. На это указывает портрет Есенина работы Ю. Анненкова,

помеченный 1923 годом [4]. Но за недоказательностью эта версия исследователями была отвергнута.

Вероятнее, что чёрный человек – это лирический герой поэмы. Конечно, в создании этого образа, вполне возможно, участвовали и впечатления от встреч с реальными людьми, и весь текстовый массив предшествующей литературы, переосмысленный и переработанный сознанием художника, и осознание собственной личности. И именно все это в совокупности делает эту поэму значимой не только для творческой индивидуальности одного поэта, но и для всей литературы в целом.

Литература

1. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 3-х т. – Т. 2. – М., 1986. – 527 с.
2. Свириденков М.П. «Чёрный ангел-хранитель Есенина», статья. – М., 2004. – URL: <http://esenin.niv.ru/esenin/articles/article-3.htm> (Дата обращения 25.05.2013).
3. Есенин С. А. Собр. Соч.: В 2 т. – Т. 1.– М, 1992. – 480 с.
4. Пашинина В.С. Неизвестный Есенин. Факты и документы. Литературно-историческое исследование. – М., 2013. – 640 с.

С. Г. Григоренко
кандидат филологических наук, доцент кафедры
гуманитарных дисциплин МИТРО

КОНТИНУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Результаты комплексного анализа художественного текста позволяют утверждать, что пространственно-временной континуум – категория целостная, неделимая, нередко текучая, непрерывная[3,с.8]. В художественном нарративе М. А. Булгакова вся языковые единицы несут отпечаток особой пространственно-временной континуальности. Уже в первом романе М.А.Булгакова «Белая гвардия» время получает особую репрезентацию. *«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй»*. Широко репрезентировано время историческое и время личностное, время персонажа. Автор с поразительной наблюдательностью неустанно ведет отсчет времени: *«Хриплые кухонные часики настучали одиннадцать»*; *«Давились презрительно часы: тонк-танк, и выливалась вода из сосуда»*; *«Тонк-танк. Часы ползли со стены и опять на нее садились»*.

Художественное пространство романа символично. Широко репрезентирована символика **красного и белого**: *Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь*. Лексема **белый** в произведении обрастает особыми коннотациями и, думается, восходит к снежной семантике (семантике ада) А.А. Блока. Особенно примечателен эпиграф к роману – отрывок из «Метели» А.С.Пушкина (-Ну, барин, - закричал ямщик, - беда: буран!).

Ключевыми для всего контекста романа являются символы: часы, Саардамский Плотник («строитель

чудотворный», домостроитель и градостроитель – включение данного образа-символа весьма важно, т.к. главное действующее лицо в романе – Город), голландский изразец (элемент гармоничного художественного интерьера, шире – мироустройства). «Капитанская Дочка» в контексте романа – это не название книги А.С. Пушкина, а символ ушедшего гармоничного прошлого. Лампа под абажуром, шкапы с книгами – неотъемлемые символы домашнего комфорта. Книги – часть художественного интерьера Булгакова: *«Казалось, что сейчас же за стеной тесного кабинета, забитого книгами, начинается весенний, таинственный спутанный лес»*. Книги в художественном тексте М.А. Булгакова символизируют наполненность содержанием, одухотворенность, творчество. Часто символами становятся названия книг: *«Перед Еленой остывающая чашка и "Господин из Сан-Франциско"»*. Здесь Господин из Сан-Франциско – символ обреченности отношений с Тальбергом. Часты отсылки к другим текстам классической литературы, например, к «Бесам» Достоевского и «Пиковой Даме» Пушкина: *«Валяется на полу у постели Алексея недочитанный Достоевский, и глумятся «Бесы» отчаянными словами»; «Как Лиза "Пиковой Дамы", рыжевато-белая Елена, свесив руки на колени, сидела на приготовленной кровати в капоте*. Реконструкция мотивов пушкинской повести не случайна: Елена, как и Лиза из «Пиковой Дамы», становится жертвой расчета и меркантильности. Символически через интерьер показано внутренне состояние героев: *«...Через полчаса все в комнате с соколом было разорено. <...> А потом... потом в комнате напротив, как во всякой комнате, где хаос укладки, и еще хуже, когда абажур сдернут с лампы. Никогда. Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысшей побежкой на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте - пусть воет вьюга, - ждите, пока к вам придут»*. Пример весьма выразителен в аспекте изображения дисгармонического жизненного пространства, в таком контексте символы домашнего уюта и

покоя: абажур, лампа и т.п. – соседствуют с лексикой разрушения, разорения: разорено, сдернут, хаос укладки. Такое соседство обуславливает появление новых коннотаций слов-символов. Кроме того, выявляется коннотативный центр символического пространства – *абажур* как проявление максимального покоя и гармонии. Немаловажную символическую нагрузку несут глаголы *дремлите, читайте* – они являются выражением состояния домашнего умиротворения и задают соответствующий художественный темп всему тексту романа, часто включающему дискурсы сна и видения. У Булгакова состояния покоя – гармоничны и естественны, активные действия- разрушительны и губительны. Это подчеркивается всей художественной логикой его произведений.

Важной составляющей пространственно-временного континуума являются оппозиции в романе. Оппозиция верх-низ типична для булгаковского дискурса, всегда содержит оценочные коннотации: *«Дом накрыло шапкой белого генерала, и в нижнем этаже (на улице - первый, во двор под верандой Турбиных - подвальный) засветился слабенькими желтенькими огнями инженер и трус, буржуй и несимпатичный, Василий Иванович Лисович, а в верхнем - сильно и весело загорелись турбинские окна»*. Подобную нравственную маркированность встречаем в романе «Мастер и Маргарита»: подвальчик Мастера, верхние этажи представителей литературной номенклатуры. Художественный мир иерархичен, иерархично устройство дома и Города (верхний Город, нижний Город).

Представленная в начале романа оппозиция «север-юг» раскрывается и уточняется на протяжении всего текста, также она ассоциативно связана с ключевой оппозицией закатного романа «восток- запад» (*тьма, пришедшая с запада...*»), что выявляет ценностный авторский контекст: *«Давно уже начало мести с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже»*. На полюсах антиномий – зло и добро. Так негативно коннотативным является концепт «запад» в романе «Мастер и Маргарита»,

соответственно «север» - в «Белой Гвардии»; положительной семантикой отмечены «восток» и «юг». Таким образом, символическое пространство романов Булгакова можно рассматривать как единый пространственно-временной континуум. Дом репрезентирован как символ бытия: *«Но, несмотря на все эти события, в столовой, в сущности говоря, прекрасно. Жарко, уютно, кремовые шторы задернуты. И жар согревает братьев, рождает истому»*.

Дейктики в стиле Булгакова выступают не только индивидуально-авторским средством связи контекстов, но и способом внутреннего логического структурирования художественного времени-пространства. Внутреннее время строго структурировано. Проявляется стремление к максимальной дискретизации художественного пространственно-временного континуума. Дейктики нередко образуют синонимические ряды. *«Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади "Саардамский Плотник", часы играли гавот, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях»*. Самобытным аспектом использования дейктического потенциала языка является также индивидуально-авторская антонимия в пределах одного предложения: *«В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем»*.

Тяготение к дейктикам проявляется в дейктизации событий: *«Через год после того, как дочь Елена повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом, и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжелых походов, службы и бед вернулся на Украину в Город, в родное гнездо, белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго, что на Взвозе»*. Предложение перенасыщено единицами с референциально-отсылочным значением, что довольно часто встречается как в стилистике раннего Булгакова, так и в его закатном романе. Постоянное акцентирование точек отсчета.

Пространственно-временной континуум Булгакова – это континуум чрезвычайно индивидуализированный, в каждой его точке ощущается присутствие автора. И способом языкового конструирования исключительно личностного художественного пространства являются дейктики. С другой стороны, дейктики, особенно имена собственные, активно участвуют в мифологизации пространства романов М.А. Булгакова, в создании мифологического языка.

Метафоры времени передают скоротечность, стремительность: *«**Время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросло, а часы остались прежними и били башенным боем**»*. Коннотативный потенциал пространства проявляется в его музыкальности и театрализованности. Музыка (чаще оперная) оказывается обязательным ингредиентом булгаковского художественно пространства: *«**В окнах настоящая опера "Ночь под рождество" - снег и огонечки**»*. Мотив оперы в творчестве М. Булгакова нередко тесно связан с семантикой игры, искусственности, порой буфонности. Данные коннотации усиливаются использованием художественной аллюзии, связанной с игрой в шахматы: *«**Так вот-с, неожиданно-негаданно появилась третья сила на громадной шахматной доске. Так плохой и неумный игрок, отгородившись пешечным строем от страшного партнера (к слову говоря, пешки очень похожи на немцев в тазах), группирует своих офицеров около игрушечного короля. Но коварная ферзь противника внезапно находит путь откуда-то сбоку, проходит в тыл и начинает бить по тылам пешки и коней и объявляет страшные шахи, а за ферзем приходит стремительный легкий слон - офицер, подлетают коварными зигзагами кони, и вот-с, погибает слабый и скверный игрок - получает его деревянный король мат**»*. Шахматная лексика репрезентирует идею азартной игры, не всегда по правилам. Азартная игра становится символом шулерства. Коннотативные возможности значительно расширяются, когда речь идет об истории, под игрой метафорически подразумеваются исторические сюжеты - взаимодействие

сил на политической арене. В этом случае политическая игра осуществляется обычными шулерскими приемами. Неслучайно, гетманское министерство Тальберг называет «глупой и пошлой опереткой».

Особый коннотативный потенциал обнаруживает такой художественный прием характеристики пространства, как намеренная поэтизация, служащая скорее средством иронии: *«Тайна и двойственность зыбкого времени выражалась прежде всего в том, что был человек в кресле вовсе не Василий Иванович Лисович, а Василиса»*; *«Вокруг полковника царил хаос мироздания»*. Происходит своеобразная нейтрализация возвышенного, поэтическая лексика, помещенная в один контекст с бытовой, утрачивает свой поэтический пафос, становится авторским средством иронии.

Таким образом, пространственно-временная семантика художественного нарратива представляет собой континуум всех лексико-грамматических единиц, создается всеми уровнями текста, а не отдельными его единицами. Кроме того, изучение пространственно-временного континуума текста дает возможность постижения ценностной картины мира художника и описания его индивидуально-авторской стилистики

Литература

1. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры (философско-культурологический анализ) // Дис. ...д-ра филос. наук.– Волгоград, 2003.– 360с.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. – М., 1990. – С.7-384; Булгаков М.А. Белая гвардия. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. – М., 1989. – С.179-430.
3. Харченко В.К., Григоренко С.Г. Континуальность пространства и времени в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 200 с.

Кузнецова Е. В.

г. Москва, НИУ «Высшая школа экономики»,
филологический ф-т, магистрант 2 курса

ОБРАЗ «ЧАШИ ИЗ ЧЕРЕПА» В СТИХОТВОРЕНИЯХ Ю. КУЗНЕЦОВА И И. ЛИРУЖА

Юрий Кузнецов запомнился большинству читателей лишь как автор строки «Я пил из черепа отца». Как правило, не вспоминается даже продолжение стихотворения, которое состоит всего из восьми строк:

Я пил из **черепа** отца
За правду на земле,
За сказку русского лица
И верный путь во мгле.

Вставали солнце и луна
И чокались со мной.
И повторял я имена,
Забывтые землей [7, с. 175].

Почему так произошло? Потому, что и читателей и критиков поразила дерзость лирического образа, который, если его нарисовать в воображении, вызывает содрогание у современного человека. К тому же подобная образность была совершенно немыслима в гладкой официальной советской поэзии 70-х годов XX века. Необходимо учесть еще тот факт, что отец Кузнецова не просто умер, а погиб во время Великой Отечественной Войны, о чем сам поэт неоднократно писал в стихах и в автобиографических заметках: «Он погиб в 1944 году в Крыму. В моем детстве образовалась брешь. Это была сосущая загадочная пустота отцовского отсутствия, которую я мог заполнить только словом» [6, с.4]. Следовательно, образом чаши из черепа отца, Кузнецов оскорблял не только память своего отца, но и всех тех, кто погиб на этой страшной войне.

Отцовский череп, используемый в качестве чаши, вызвал бурную полемику в прессе. Так, например, И.

Федоров писал в связи с этим стихотворением о «жестокости» и «безнравственности» лирического героя поэта, обвиняя его в «романтическом эгоцентризме» и даже называя «психически ненормальным» [14,с.96]. М. Смородинов считал, что Кузнецов создает «стихи ужасов» [12, с.32]. Такие оценки были вызваны тем, что питье из черепа собственного отца вызывает ассоциации с ритуальным каннибализмом, известным по этнографическим исследованиям диких племен Африки и Океании.

Другие критики видели в этом стихотворении только эпатаж, так критик П. Басинский отметил, что в творчестве поэта присутствует «лирическая дерзость, позволяющая Юрию Кузнецову «пить из черепа отца», невзирая на все морально-гигиенические упреки в его адрес» [2с.10].

Часть исследователей обратили внимание на лексику стихотворения, вызывающую ассоциации с седой древностью русского народа. Архаичное звучание придает тексту образы одушевленных сил природы: солнца и луны. Это неоднократно наводило исследователей на мысль о мифологизме, как о характерной черте поэтики Ю. Кузнецова. Исследовательница Л. Косарева считала это приемом прикрывающем внутреннюю пустоту содержания и скудость поэтической мысли, и именно так интерпретировала скандальное стихотворение: «В поэзии Кузнецова изображенная мифическая жизнь предстает подлинной, самозначимой реальностью. <...> Когда герой кузнецовской поэзии «пьет из черепа отца», он лишь подтверждает фабулу языческих преданий. <...> Умозрительный ряд перечислений похож на некое стихотворное шаманство, где за таинственно-заклинательным строем фразы скрыт треск общих мест» [5, с. 91-92]. Но Косарева не указывают никаких конкретных текстов, художественных, исторических или этнографических, из которых поэт мог бы почерпнуть столь странные образы и этику поведения.

Другая часть исследователей для истолкования этого странного стихотворения попыталась найти конкретные литературные источники, которые могли бы в качестве

подтекста освятить его темные места. Так, В. Соколов проследил в этом влияние стихотворения А. Пушкина «Послание Дельвигу» 1827 года, в котором поэт призывает друга сделать из реального черепа чашу и использовать ее на «пирах домашних»[13, с.5].

А И. Рогощенков возводил образ чаши из черепа отца к образам библейской поэзии, «утверждающим преемственность людей и поколений: «Ядый Мою плоть и пийай Мою кровь иматъ живот вечный» (Ев. От Иоанна, 6, 18, 54)». <...> Ю. Кузнецов раскрывает реальный смысл древнего образа на русской почве: наследуя родительский разум, можно отстаивать правду и душу народную, искать верный путь в жизни. <...>Как видим, ничего кошунственного в стихотворении нет. Наоборот, кошунственного не замечать или обличать выраженное поэтом сыновье почтение к отцу»[11, с.97-98].

Завершая наш краткий обзор рецепции текста Ю. Кузнецова, следует отметить, что единого мнения о его источниках достигнуто не было. На данный момент исследователи творчества поэта сходятся во мнении, что это стихотворение, хоть и намеренно провокационное, но в целом не кровожадное и не кошунственное, а по-своему интерпретирующее мотивы одиночества, безотцовщины и памяти о потерянном отце: «Одно время критики видели в Юрии Кузнецове прежде всего короля эпатажа. Их очень возмущало, что лирический герой поэта «пил из черепа отца. Кузнецов же, когда писал это стихотворение, думал совсем о другом – о памяти, о чести» [9, с. 46].

Несмотря на такую интерпретацию, нельзя отрицать эпатажность, заложенную в основу стихотворения. Безусловно, поэт рассчитывал на бурную реакцию читателей и критиков и сознательно не прояснял источники своих образов. В данном случае использование приема эпатажа, который применяли довольно часто и другие поэты, например, В. Брюсов, И. Северянин или В. Маяковский, можно рассматривать как сознательную игру с читателями и критиками. Даже в разгар полемики вокруг его скандального

стихотворения, Кузнецов не выступил с разъяснениями, а предпочел молчать и смотреть, как ломаются копыя.

Попробуем все же разобраться, кощунственное стихотворение или почтительное. Мотив питья из черепа достаточно распространенный в русской литературе. Возникает он еще в русской летописи в виде легенды из «Повести временных лет» о смерти древнерусского князя Святослава. Победив князя, из его черепа хан печенегов, Куря, приказал сделать драгоценную чашу. Вот как передает этот рассказ Н. М. Карамзин в своей «Истории государства российского», благодаря которой он и стал широко известен: «Князь их, Куря, отрубив ему голову, из ее черепа сделал чашу» [4 с, 142].

Добавил популярности этому мотиву Байрон, сочинивший широко известное и тоже весьма провокационное в эпоху романтизма стихотворение «Надпись на чаше из черепа», 1808 г.:

Не бойся: я - простая **кость**;
Не думай о душе угасшей.
Живых голов ни дурь, ни злость
Не изойдут из этой **чаши**.<...>
Так пей до дна! Быть может, **внук**
Твой **череп** дряхлый откопает -
И новый **пиршественный круг**
Над **костью мертвой** заиграет [1, с. 37]...

Мы видим, что и в стихотворении Байрона звучит мотив повторения и связи поколений, **внук** откопает череп своего **деда** и почитит его память на пиру, на котором будет пить именно из чаши, сделанной из его черепа. Кузнецов был достаточно хорошо знаком с творчеством английского романтика и высоко ценил его, посвятив ему стихотворение «Памяти Байрона».

Байрон и Карамзин стали основными источниками образа «чаши из черепа» в стихотворении Пушкина «Послание Дельвигу» 1827 г, о котором писал В. Соколов. Это стихотворение Пушкин преподнес своему лицейскому

другу, даря ему вполне реальный, настоящий череп якобы одного из его предков, тоже барона Дельвига:

Прими ж сей **череп**, Дельвиг, он

Принадлежит тебе по праву.

Обделай ты его, барон,

В благопристойную оправу.

Изделье гроба преврати

В **увеселительную чашу**,

Вином кипящим освяти

Да запивай уху да кашу [10, с. 120].

После Карамзина, Байрона и Пушкина образ чаши из черепа закрепился в русской поэзии. Его использовали в своих текстах такие поэты как К. Рылеев, В. Бенедиктов, Н. Некрасов, В. Брюсов, М. Зенкевич, В. Хлебников, Н. Гумилев, В. Маяковский, П. Васильев, Мандельштам и др.

Но все вышеприведенные тексты разрабатывают несколько другую семантику образа чаши из черепа, хотя мотивы предка и связи поколений, как мы видим, там присутствуют. Это либо способ почитания поверженного, но доблестного и сильного врага (легенда о Святославе), либо образная реализация торжества жизни над смертью (Байрон, Пушкин и др.).

Кузнецов же делает акцент на том, что череп принадлежит именно отцу. Весь его текст состоит из образов и мотивов с архаической окраской: чаша из черепа, ритуальное пиршество, одушевление сил природы. Данные образы вызываются семантическим значением таких слов, как «сказка», «чокались», «вспоминал», «забытые». В данном тексте чаша из черепа - это сосуд, из которого пьют, «повторяя», то есть, поминая имена, «забытые землей», то есть имена тех, кто уже умер и похоронен. Значит, описанный пир можно считать поминальной тризной.

Питье из черепа предка – действительно древнейший обряд поминовения усопших и поддержания с ними связи, как бы обеспечения им места в реальной жизни их потомков. Подобный ритуал возник благодаря вере в магические возможности черепа связывать мир живых и мир мертвых.

Похожий обряд описан в «Истории» Геродота, который приписывал такую традицию почитания умерших древним скифским племенам: «Рассказывают, что у исседонов существуют следующие обычаи: если у кого умрет отец, все родственники пригоняют к нему скот, затем убивают животных, разрезают мясо на куски вместе с покойным родителем хозяина, все мясо мешают вместе и устраивают пиршество. **Голову покойника** обнажают от волос, вычищают ее изнутри и покрывают золотом, потом пользуются ею, **как священным сосудом** при совершении торжественных годовичных жертвоприношений. Празднество устраивает у них **сын в честь отца**, как у эллинов праздник поминовения покойников»[3, с. 323-324]. Именно такое пиршество, на котором сын пьет из черепа своего отца, и описано в стихотворении Кузнецова. Скорее всего, из текста Геродота, с которым он мог познакомиться во время учебы в Литературном институте, подобная трактовка поэтического образа и попала в лирику советского поэта. При такой интерпретации питье из черепа отца в стихотворении Ю. Кузнецова однозначно становится ритуалом почтения и установления связи с погибшем на войне отцом.

Несмотря на то, что поэт создает видимость прямого обращения к некоей седой древности, минуя всю книжную культуру, обращение к истории образа чаши из черепа в русской литературе доказывает, что поэзия Кузнецова прочно связана с творчеством его предшественников.

Стихотворение Кузнецова, благодаря своей необычности, оказало воздействие на современную ему поэзию и стало даже бардовской песней на музыку А. Дулова. А также оно вызвало к жизни другие тексты, где мотив **памяти** и связи поколений выражается через образ «чаши из черепа отца». Одним из таких произведений является стихотворение поэта Ильи Лиружа «Памяти отца». Лируж, родившийся в 1938 году, принадлежит к тому же поколению детей войны, что и Ю. Кузнецов. Он уже не скрывает своей диалогической связи с текстами-предшественниками, а демонстративно подчеркивает ее, беря

в качестве с эпиграфа к своему тексту немного измененную первую строку стихотворения Кузнецова:

"Я пью из черепа отца..."
Ю.Кузнецов

Я пью из **черепа** отца
В старинном доме у Арбата.

В овальной комнате
когда-то
Он сам сидел у поставца.

Я **пью** из черепа отца<...>
Здесь, в комнате, свернулись в кольца
Воспоминания о нем -
Вальяжном, рыжем и губатом:
На кресле кожаном, замятом,
За старым письменным столом
С столешницею под стеклом,
С родней **на снимках**,
И в стакане
Нефритовом с карандашами,
И **у портрета** на столе -
Губатый, с тяжкими руками
И с поперечной на челе
Глубокой складкой невеселой -
Большой, устойчивый, тяжелый.<...>
Пью память светлую!
Похоже,
Портрет твой смотрит веселей[8, с. 210-212].

Строка предшественника становится у принявшего культурную эстафету последователя лейтмотивом нового текста, в котором она многократно повторяется. В тексте Лиружа основной мотив памяти и связи поколений выражен явно и развит с предельными подробностями.

Лирический герой вспоминает весь облик отца: его внешность, характерные черты, привычки, характер. Он стремится неоднократным повторением зафиксировать и в

памяти, и на бумаге мельчайшие подробности личности дорогого ему человека. Морис Хальбвакс описывает в статье «Коллективная и историческая память» как память отдельного человека конструирует образ ушедшего из жизни родственника: «Личность человека сильнее всего притягивает внимание родных тотчас после его смерти. Но именно тогда его образ оказывается и наименее определенным, он постоянно видоизменяется по мере того, как мы вспоминаем разные периоды его жизни. На самом деле образ ушедшего никогда не застывает. По мере того, как он уходит в прошлое, он меняется, потому что некоторые черты стираются, а другие всплывают, в зависимости от точки зрения, то есть от тех обстоятельств, в которых мы находимся, когда обращаемся к нему.» [15, с.47]. Не менее точно и подробно, чем Хальбвакс, фиксирует процесс воссоздания образа умершего отца в своем стихотворении и Лируж, и его связь с ушедшим в самом деле восстанавливается, портрет отца, как бы душевно откликаясь, «смотрит веселей».

Для понимания этого текста очень важен артефакт фотографии, на которую смотрит лирический герой. Мотив рассматривания фотографии, также как и образ «чаши из черепа отца», отсылает читателя опять к творчеству Ю. Кузнецова, только к другому стихотворению: «Надо мною дымится пробитое пулями солнце...» 1959 года:

Надо мною дымится пробитое пулями солнце,
Смотрит с фото отец, измотанный долгой бессонницей,
Поседевший без старости, в обожженной, измятой
каске.<...>

Мне в наследство достался неувиденный взгляд усталый
На почти не хрустящей **фотокарточке старой** [7, с. 12].

Фотография для современного человека является тем же сакральным предметом, каким был череп предка для человека древнего. Это артефакт, который обеспечивает сохранность памяти о предках. Ритуал рассматривания фотографий равноценен древнему ритуалу питья из черепа предка. Его многократность и повторяемость обеспечивает

невозможность забыть, утратить связь с умершими близкими людьми.

В своем тексте И. Лируж соединяет два ритуала, древний и современный, обеспечивающих сохранность памяти, которые в творчестве Ю. Кузнецова разнесены по разным текстам. Тем не менее, его стихотворение явно вторично по отношению к тексту Кузнецова, оно становится еще одной довольно пространной вариацией на тему и не вызывает столь бурных эмоций, как текст, в котором образ чаши из отцовского черепа реализовался впервые. Этот образ благодаря многократным повторениям внутри текста из эпатажного превращается в стертый. И вся строка «Я пью из черепа отца» выглядит чужеродной по отношению к остальному, вполне традиционно-лирическому, тексту стихотворения.

Рассмотрев, как возникает и как живет образ «чаши из черепа отца» в текстах Кузнецова и Лиружа, мы попытались проследить механизм функционирования не только индивидуальной памяти, но и памяти культуры, которая передает по цепочке последователей определенную информацию, свернутую в емкие поэтические формулы.

Литература

1. Байрон Д. Г. Собрание сочинений в четырех томах. Т.2 –М.: Просвещение, 1981. (пер. Л. Шифферс).
2. Басинский П. (О Ю. Кузнецове)//Литературная газета. 1991. 24 июля.
3. Геродот. История. – М.: Академический проект, 2014.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 6 книгах/в 12 авторских томах Карамзина, по 2 тома в каждой книге. Книга 1/Т. 1-2. – М.: Просвещение, 1993.

5. Косарева Л. Через дом прошла разрыв-дорога: (О противоречиях творчества Ю. Кузнецова)// Вопросы литературы. 1986. №2.
6. Кузнецов Ю. «Рожденный в феврале под водолеем...»//Кузнецов Ю. Избранное. – М.: Художественная литература, 1990.
7. Кузнецов Ю. Избранное. – М.: Художественная литература, 1990.
8. Лируж. И. И ничего не изменить. Стихи. Поэмы. – М.: Авторская книга, 2012.
9. Огрызко В. В. Юрий Кузнецов – поэт концепций и образов. Библиографический указатель. – М.: Время, 2014.
10. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2: Стихотворения 1825-1836. – М.: Книжный клуб Книговек, 2012.
11. Рогощенков И. Память и надежды.- М.: Просвещение, 1988.
12. Смородинов М. «...Любимый кончается страх»//Литературная газета. 1979. 11 июля.
13. Соколов В. «Прими сей череп...»//Литературная газета. 1979. 15 августа.
14. Федоров И. «Находил он в отраве отраду»//Литературная учеба. 1982. №2.
15. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память//Неприкосновенный запас,
16. № 2-3, 2005.

**ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
У Н. В. ГОГОЛЯ («ТАРАС БУЛЬБА»)
И П. МЕРИМЕ («МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ»)**

К проблеме семьи и семейных ценностей в русской (А. С. Пушкин: «Капитанская дочка», М. А. Шолохов: «Тихий Дон», М. Ф. Достоевский: «Преступление и наказание») и зарубежной (У. Шекспир, В. Скотт, Стендаль) литературе обращалось множество писателей. Каждый член семьи, описываемой в произведениях, по-своему уникален и играет определённую роль в развитии сюжета. Любой его поступок мы можем расценить как единственно верный, рациональный или, напротив, - антисоциальный, аморальный, впоследствии сформировав о нём однозначное представление.

В данной статье мы постараемся рассмотреть и сравнить два культурно значимых образа из произведений русской и зарубежной литературы: Тараса Бульбу из одноимённой повести Н. В. Гоголя и Маттео Фальконе из новеллы знаменитого французского новатора Проспера Мериме.

Эти герои выбраны нами не случайно. Несмотря на различие в сюжетах обоих произведений, их объединяет один мотив – сыноубийство: гоголевский Тарас Бульба убивает одного из своих сыновей Андрия, Маттео Фальконе из рассказа Мериме убивает своего десятилетнего сына Фортунатто.

Каждое из убийств имеет свою предысторию.

Сын Тараса, Андрий храбро сражается с врагами «православной веры». Однако во время осады казаками города Дубно служанка польской красавицы, в которую Андрий был влюблен будучи бурсаком, незаметно провела его через подземный ход в город; перейдя на сторону врага, Андрий вступил в бой против соотечественников и

единоверцев. Тарас Бульба заводит изменника в засаду и собственноручно убивает его.

Эта сцена тесно связывает героев Гоголя с персонажами из «Маттео Фальконе» - новеллы Проспера Мериме. Тарас и его второй сын, Остап всецело принадлежат «догосударственному», дикому, эпическому пространству запорожской Сечи. Полячка, в которую влюблен Андрий, напротив, живёт за пределами этого эпоса, в обжитом пространстве, которое очень похоже на мир европейского романа. Андрий «заразился» польским духом, раздвоился между противоположными полюсами и погиб. Причиной его смерти является страсть, погрузившая его в безумие. Однако в его образе уже изначально присутствует некий надлом.

Сын Маттео Фальконе, Фортунатто перенял от собственного отца много положительных черт: он был находчив, упорен, рассудителен, храбр. Когда к нему обращается за помощью бандит Джанетто Санпьеро, мальчик прячет его в копне сена за некоторую плату и затем, демонстрируя своё бесстрашие, дерзко и насмешливо отвечает на расспросы сержанта Гамбы, солдата, разыскивающего Джанетто, однако быстро выдаёт бандита, соглашаясь на подкуп в виде серебряных часов.

Его поступок можно рассматривать и оценивать с разных сторон. С одной стороны, он предал законы Корсики и нарушил нормы гостеприимности и морали; но с другой стороны, мальчика можно понять: он был всего лишь ребёнком, и ему понравились часы. Более того, слова Гамбы о наличии этих часов у сына «дяди капрала» вызвали у него чувство зависти. За этот поступок Маттео Фальконе покарал своего сына смертью. Приговор, вынесенный Фотунато отцом, был исполнен не вследствие его личных представлений о чести рода. Напротив, он выразит нравственное отношение народа к предательству. Об этом свидетельствует поведение жены Маттео, Джузеппы, сознающей правоту Маттео, независимо от переживаний за сына.

Фортунатто поплатился жизнью из-за собственного эгоизма и корыстолюбия, которые привели его к предательству. Но он был ещё ребёнком, а поступок отца воспринимается как проявление жестокости.

Сцена сыноубийства у Мериме, как и у Гоголя, также представлена в форме диалога, в котором видны хладнокровие Маттео Фальконе и страх Фортунатто перед смертью.

В образах Маттео и Тараса есть общие черты. Оба они были вынуждены совершить казнь: их сыновья нарушили родовую мораль, правила социума – стали предателями в глазах не только и не столько собственных отцов, сколько своего народа. В новелле Мериме имеет место конфликт индивидуально-идеологический. Для Маттео казнь сына равноценна самоубийству, потере главенства рода. Ребенок для него ещё не стал самостоятельной личностью, в его поступке отец видит проявление его собственных ошибок. Однако в повести Гоголя представлен конфликт духовно-нравственный. Для Тараса убийство Андрия – богоугодный поступок, совершив который, он продолжает свою борьбу с противником. Это убийство не опустошает его, как Маттео Фальконе. Андрий для отца – не столько сын, сколько предатель веры у Отечества, идеологический противник, личность, сделавшая собственный порочный выбор.

В обоих произведениях исключительная по своей природе ситуация сыноубийства выступает как законом сильных и цельных натур Тараса Бульбы и Маттео Фальконе и всего уклада корсиканской и запорожской жизни, но угол зрения, под которым даются поступки героев, разный. Тот, кто совершил предательство, не может рассчитывать на уважение людей, а отец, убивающий ребёнка, не осознающего всей глубины своего поступка, проявляет варварское жестокосердие.

Литература

1. Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст./М. Вайскопф. - М. - 1993.-455 с.;
2. Гоголь Н. В. Тарас Бульба: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0040.shtml;
3. Мериме П. Маттео Фальконе: <http://lib.ru/INOOLD/MERIME/falcone.txt>;
4. Шульц С.А. Гоголь: личность и художественный мир./С.А. Шульц. - М.- 1994.-58 с.

Филимонова П. В.

Аспирант, Омский государственный педагогический университет

P.Filimonova@mail.ru

СВЯЗЬ НОЧНЫХ ТЕКСТОВ В ПОЭЗИИ Э. ЮНГА (1683–1765) И М. Н. МУРАВЬЕВА (1757–1807)».

Текст ночи, выделяемый в литературе, вместе с текстами утра, полудня, дня и вечера служит составной частью текста суток. С точки зрения мотивно-образного ряда ночные тексты более насыщены, чем тексты остального суточного цикла, и заслуживают подробного рассмотрения.

Появление целостного текста ночи в литературе исследователи связывают с именем Эдуарда Юнга и его поэмой «The complaint, or Night-Thoughts on life, death and immortality» – «Плач или ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1742 – 1745) [1, с.70]. До Юнга существовали лишь разрозненные произведения, посвященные ночной теме. Знакомство российских читателей с творчеством Юнга происходило с помощью публикаций в журнале масона Н. И. Новикова «Утренний свет», название которого, по определению В. Н. Топорова, «обратным

образом отсылает к идее и образу «ночной тьмы», рассеиваемой «утренным светом» [7, с.99].

Творчество Юнга оказало заметное влияние на формирование ночных текстов М. Н. Муравьева. Русский поэт был знаком с поэмой Юнга (хотя бы частично) в оригинале. Существовал и французский перевод «Плача или ночных размышлений о жизни, смерти и бессмертии», выполненный Летурнером. Кроме того, переводы английского поэта имели множество редакций и вариантов на русском языке, часть из которых была доступна Муравьеву. «Натурфилософские мотивы поэзии Томсона и Юнга», по замечанию Т. А. Алпатовой, послужили «безусловным источником космических интуиций» Муравьева, смена времени суток часто становится в стихах поэта «неким условием открытия космического гармоничного движения и всего мироздания» [2, с.7; 8]. Русский поэт высоко оценил вклад своего предшественника в развитие поэзии. В эпистоле «Письмо к ***» автор комментирует ночную поэзию Юнга, представленную в «Ночных размышлениях о жизни, смерти и бессмертии»:

То британский муж в «Нощах» изображал нам свет
Картиной, в коей мрак сдает слабый свет,
Возлюбленных детей, оплакивая тризны [5, с.216].

Муравьев подчеркивает, что Юнг обращает внимание на темные стороны ночи – поглощение космоса хаосом и связанный с ночью мотив смерти – трагизм, отождествляемый с этим временем суток. Таким образом, ночная поэзия оказывается тесно связанной с кладбищенской тематикой и – соответственно – скорбью и страданием. В стихотворении «Сила Гения», характеризуя одну из ипостасей Гения, Муравьев размышляет: «Иль с Юнгом, может быть, он будет слезы лить» [5, с.227]. Слезы становятся внешним выражением тайного внутреннего переживания – испытания, через которое происходит глубокий духовный катарсис, а благодаря нему – совершенствование и глубинное изменение личностной позиции лирического субъекта, главной характеристикой

которой становится гуманизм. Проявленный в тексте Муравьева мотив катарсиса созвучен библейской традиции: «Гнев царя превратился в жалость и слезы» [3, Мак.6: 20]. Переосмысление произошедших событий, их глубокая внутренняя рефлексия приводят к качественному изменению душевного состояния субъекта. Автор делает акцент на исповедальном характере поэзии Юнга, стремящегося с помощью образов, связанных с ночью, вскрыть самые важные, глубинные проблемы человеческой души, через их постижение возвыситься духовно и вовлечь читателей в этот процесс. Для исследовательницы Е. Волковой именно исповедальность становится одной из ключевых характеристик поэзии Юнга: «Ночные размышления» Юнга считают наиболее исповедальным произведением кладбищенской поэзии, которую можно определить как поэзию ночную и готическую, поскольку ею создана мистическая поэтика смерти как ночи жизни» [4, с.254].

Для раскрытия темной стороны жизни Юнг наполняет свою поэзию такими мотивами, как опасность, заключенная, главным образом, в неизвестности, невозможности постичь тайну темноты («ум безвестием мрачат», «непроницаемая мгла»). Семь мрака и сна являются у Юнга ключевыми. Эти образы амбивалентны и несут в себе положительные и отрицательные коннотации. Мрак – один из способов ухода от действительности – «оть мира скорбнаго, в мир райский». В библейской традиции мрак служит недоступным для непосвященных местом пребывания Бога: «...Моисей вступил во мрак, где Бог» [3, Исх.20: 21]. Обратный переход из сна в реальность в поэзии Юнга представлен антитезой, выраженной словосочетаниями «сон мечтаний» – «проснулся для мук». Сопоставление сна и реальности практически приравнивается к противопоставлению топосов рая и ада в библейской традиции. Ночь служит убежищем всем существам («чертогом нетленным» – вечным божьим царством, в котором можно обрести заботу, спокойствие, отдых от дневной суеты). Священность ночи определяет еще одну важную связанную с этим временем суток категорию,

ярко проявившуюся в творчестве Юнга – бессмертие («полет к бессмертию»), которое приводит к столкновению с миром иной реальности («иное бытие» в природе). Умение ориентироваться и выход из другого мира становится средством духовной эволюции лирического субъекта, его приобщения к божественному началу:

Нет Бога: жизнь есть сонъ.

Есть Богъ! – тирана нетъ [8, с.95]!

Бездуховное существование погружает человека во мрак его собственных иллюзий, сопричастность же дольнему миру позволяет избавиться от земных условностей и запретов, обрести высшие смыслы и ценности жизни, стать терпимым и гуманным с окружающими.

В текстах Муравьева «Зила» (1776 или 1777), «Роща» (1777), «О милое мечтанье» (1778), «Итак, опять убежище готово» (1780), «Ночь» (1776, 1785 (?)), «Приглашение» (дата создания неизвестна) ночь ассоциируется с прохладой, тишиной, спокойствием, созерцанием природы. С этими природными и человеческими состояниями связаны образы сна и лунного света. «Сокровищница снов», «прелестные сны», «сладкий сон» наполнены мечтаниями, а, значит, реальность сна лучше и чище для спящего, чем реальность настоящего. Даже лексемы мрака и мглы в некоторых текстах включены не для того, чтобы создать атмосферу ужаса, но, чтобы указать на тайные неизведанные и темнящие и привлекательные грани жизни: «приятна мгла», «таинственный мрак», «прелестной / Во сумрак». Та же идея присутствует и в прозаических текстах Муравьева. В сочинении «Домашнее благополучие» он констатирует: «Торжественно для души моей приближение нощи! Нисходять на мракахъ небесныхъ величественное созерцание, восторги, благоговение. Будьте благословенны тихие мраки вечера, разверзающие предъ человекомъ картину творения» [5, с.225]! Ночь, погружая душу в священный трепет, связывает все сущее с горним миром.

Эпистола «Приглашение» (дата создания неизвестна), провозглашает идею, что спокойствие и гармония природы

ведут к успокоению души. Одним из центральных метафизических состояний, представленных в элегии, является тишина, служащая в библейской традиции непременным условием обретения духовной силы: «<...> В тишине и уповании крепость ваша» [3, Ис.30: 15]. Ночь несет в себе отдых от суеты города, избавляет от страданий («утихли страсти») и дает возможность заглянуть внутрь себя, насладиться «размышленья мгновением». Ночной пейзаж создан с помощью мягкого колористического образа: «луны приятен свет» и акустического и визуального минуса-приема: «молчат погоды», «туч на небе нет». Использованная русским поэтом образность акцентирует наше внимание на гармонии тишины и лучезарном свете софии. Лирический субъект подчеркивает прелесть ночи и одновременно излишнюю суетливость, спешку, утомившую днем, характерную, как для человеческого общества, так и для природного мира. Словом, ночь для лирического субъекта элегии – время отдыха, прежде всего, духовного, восстановления духовных и душевных сил и внутреннего роста.

В романсе Муравьева «О милое мечтанье» (1778) функции ночи, по сравнению с «Приглашением», еще более интимны. Смешивая воедино четкие и ясные картины дня, ночь не только скрывает самые сокровенные тайны, но и помогает в них разобраться:

Что в свете есть прекрасно,
Похитить поспешай
И, чтоб представить ясно,
Все виды вдруг смешай [5, с.177].

Ночь выполняет функцию своеобразного калейдоскопа чувств, эмоций, событий. Сумбур ночи приходит на смену внешней дневной упорядоченности, но он, тем не менее, создает пространство для духовного становления, осознания пережитого. Образ ночи в тексте корреспондирует к мифологеме мирового хаоса, из которого впоследствии был рожден космос. Противопоставление ночи и дня происходит на двойном уровне: четкие картины дня – смутное, скрытое

во тьме пространство ночи, в то же время – сумбур мыслей днем – осмысленность происходящего ночью. Днем за наносным внешним слоем остается незамеченным – подлинное внутреннее состояние, обнажаемое ночью. Поэтому именно сумрак, который помогает человеку увидеть его истинные чувства, становится убежищем для влюбленного:

Пройду: уж зрю прелестной
Во сумрак притаясь [5, с.178].

Ночь выполняет в романсе роль хранильницы тайны мировой красоты и чувств влюбленных.

Поэзия М. Н. Муравьева способствовала становлению образа ночи в традиции романтизма как времени, отведенного для мечты и медитации, обостряющего чувства человека. Ночная символика и образность широко использовались впоследствии в творчестве романтиков: В. А. Жуковского («Вечер», 1806; «Ночь», 1823; «Я музу юную бывало», 1842); Ф. И. Тютчева («Тени сизые смешались», 1835; «День и ночь», 1835; «Я помню время золотое», 1836), среди произведений М. Ю. Лермонтова несколько текстов с заглавием «Ночь». Это тексты 1830 г. («Я зрел во сне, что будто умер я...»; «Погаснул день! – и тьма ночная своды...»). При этом поэты XIX в. наследуют традиции ночной поэзии, как заложенные лично Муравьевым, так и привнесенные им на русскую почву из иностранной литературы.

Литература (источники)

1. Абузова Н. Ю. Вечер и ночь в русской поэзии (Жуковский, Тютчев) / Филология и человек – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2007.
2. Алпатова Т. А. Космическое чувство в поэзии М. Н. Муравьева / Михаил Муравьев и его время. Сборник статей и материалов второй всероссийской научно-практической конференции – Казань: Игма-пресс, 2010.

3. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское Общество, 2000.
4. Волкова Е. Жанр «гимна ночи» в европейской поэзии и живописи конца XVIII – начала XIX века / Ночь: закономерности, ритуалы, искусство. – М., С-Пб.: Нестор-История, 2012.
5. Муравьев М. Н. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1967
6. Муравьев М. Н. Полное собрание сочинений Михаила Никитича Муравьева: т. I. – Санктпетербургъ: Въ типографіи Россійской Академіи, 1818
7. Топоров В. Н. Из истории русской литературы: т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. II. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
8. *Юнговы Ночи в стихах, изданные Сергеем Глинкою.* – М. 1806

СЕКЦИЯ 2. Русский язык

Халитова Л. К.

доцент, к.филол.н., Казанский федеральный университет

Гарипова Э. В.

студент-магистрант, Казанский федеральный университет

КОНЦЕПТ «ПРОШЛОЕ» В РУССКОЙ МУЖСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Изучение концептов является одним из перспективных направлений в лингвистике и таких ее разделах, как психолингвистика и когнитивная лингвистика. Концепты рассматриваются в культурологическом, философском, историческом и других аспектах, для каждого из которых концепт служит средством раскрытия определенных закономерностей. Язык, как известно, является отражением культуры, проявляясь в значении языковых единиц, речевой деятельности и стереотипах поведения. Концепт, в свою очередь, членит языковую реальность на фрагменты, которые позволяют исследователю изучать различные области языкового сознания. Таким образом, изучая концепт, мы изучаем культуры, и путем сопоставления концептов в различных языках, сравниваем культуры их носителей.

Концепт «прошлое», как одно из проявлений времени в целом, является основополагающим концептом в любой культуре. Проанализировав работы, посвященные изучению теории концепта, следует отметить, что ученые подразделяют концепты по простоте/сложности и по универсальности/уникальности. Изучению концепта посвящены работы таких известных ученых, как Н.Д. Арутюнова [1], В.И. Карасик [5] и других, кроме того концепт «время» изучался в сопоставительном аспекте в трудах О.В. Афанасьевой [2] и В.Е. Щербиной [7], в функциональном аспекте в работе Н.В. Грушиной [3].

Данная работа посвящена изучению семантической структуры мужского концепта «прошлое» в русском языке в диахроническом аспекте. Авторы данной работы предприняли попытку выявления семантической структуры концепта «прошлое» в русском языке и рассмотрели способы его реализации на ассоциативном уровне. В работе были использованы квантитативный и квалитативный методы. Так, был проведен ассоциативный эксперимент (опрос информантов) с промежутком в четыре года (2011 и 2014 годы) с целью определения изменений в русской мужской концептосфере «прошлое».

С целью выявления базового слоя исследуемого концепта нами был проведен эксперимент: опрос 30 русскоговорящих мужчин в возрасте от 18 до 76 лет. Информантам задавался вопрос: «Какие у вас возникают ассоциации, когда вы слышите слово ПРОШЛОЕ?» и ответ предлагалось давать одним словом или словосочетанием. Процентное соотношение информантов по возрастам приведено в Таблице 1. Мужской концепт был выбран не случайно, ведь именно концепты мужской субкультуры, связанные с функционированием своеобразной «мужской ментальности», важны для изучения социально-психологических процессов в современном российском обществе [6].

Таблица 1. Возрастные группы информантов

Возраст	Количество информантов (N=30)		Процент %	
	2014 год	2011 год	2014 год	2011 год
18-22	7	8	23	27
23-25	9	7	30	23
26-39	9	9	30	30
Старше 40	5	6	17	20

Ответы были сгруппированы по следующим категориям: 1) *ощущение* – отражение свойств предметов объективного мира, возникающее при их непосредственном воздействии на органы чувств; 2) *восприятие* – субъективный образ предмета, явления или процесса, непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов; 3) *представление* – наглядный образ предмета или явления (события), возникающий на основе прошлого опыта (данных ощущений и восприятий) путем его воспроизведения в памяти или воображении; 4) *понятие* – форма знания, которая отображает единичное и особенное, являющееся одновременно и всеобщим [4].

Результаты ассоциативного эксперимента представлены в Таблице 2. В скобках приводится количество полученных ответов-ассоциаций.

Таблица 2. Классификация реакций по формам познания

Формы познания	2014 год	2011 год
Ощущение	-	-
Восприятие	Недовольство (1), ужас (1), веселье (1), правда (1).	-
Представление	Детство/ молодость (5), история (5), фотографии (3), школа/учеба (3), память/воспоминания (3), коммунизм (2), любовь (1), сникерс (1), река (1), путешествие (1).	Детство (5), отношения/девушка (5), школа/учеба (4), ночь (2), работа (2), жизнь (2), болезнь (2), сигареты (1), встреча (1), машина (1), семья (1), воспоминания (1).
Понятие	Что-то хорошее (1)	Что-то, что не вернется (2), то, каким я был раньше (1).

Два человека в возрасте 25 и 35 лет затруднились ответить.

После сравнения полученных данных можно сделать следующие выводы. В результате эксперимента ответы на уровне ощущений получены не были. На уровне восприятий, однако, в 2014 г., в отличие от 2011 г., были получены четыре реакции. Количество реакций на уровне представлений получилось примерно одинаковым: 80% (2014 г.) и 90% (2011 г.). Реакции «детство» и «школа» оказались одними из наиболее частотных в обоих исследованиях, однако реакция «история» (5), которая в числе самых популярных ответов в опросе 2014 г., не была получена в 2011 г. На уровне понятий в 2011 г. было получено на 2 реакции больше, чем в 2014 г.

В целом, однако, результаты экспериментов оказались схожи. Как в опросе 2011 года, так и в опросе 2014 года самыми частотными были реакции, связанные с ранними воспоминаниями информантов, событиями их детства и юности, а именно реакции «детство» и «школа», что позволяет считать эти понятия единицами базового слоя. Менее популярные ответы, такие как «сникерс», «сигареты», «машина» и другие находятся на периферийном слое концепта «прошлое» и являются уникальными для каждого человека.

Таким образом, можно сказать, что в целом базовый слой концепта «прошлое» в мужской русской концептосфере в выбранном исследователями временном промежутке (2011-2014 гг.) не изменился, что позволяет предположить об отсутствии изменений или малозначительных изменениях в восприятии прошлого носителями русской культуры. Однако для получения более точных выводов требуется провести более обширное и тщательное исследование.

Проведенный эксперимент позволил подтвердить наличие универсальной семантической структуры концепта «прошлое» и индивидуальной актуализации в сознании каждого носителя русского языка.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова – М.: Языки русской культуры, 1998. – 472с.
2. Афанасьева О. В. Семантическая структура концепта «время» и ее отражение во фразеологических системах английского, испанского и русского языков: Дис. к.ф.н. / О. В. Афанасьева. – Казань, 2007. – 188 с.
3. Грушина Н. Б. Концепт «время» в дискурсе современных художественно-публицистических журналов. На материале журнала «Новый мир»: Автореф. дис. к.ф.н. / Н. Б. Грушина. – Спб., 2002. – 35 с.
4. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. – 672 с.
5. Карасик В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) / В. И. Карасик // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангельск: Изд-во Поморск. гос. ун-та, 1997. – С.154-171.
6. Морозов И.А. «Мужской элемент» или в поисках «мужского»: несколько слов от составителя // Мужской сборник. «Мужское» в традиционном современном обществе. Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнации «мужского». Мужской фольклор. / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарева. – Вып. 2. – М.: Лабиринт, 2004. – С. 5-12.
7. Щербина В. Е. Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков: Автореф. дис. к.филол.н. / В. Е. Щербина. – Уфа, 2006. – 23 с.

СЕКЦИЯ 3. Славянские языки

Жукова О. Т.

аспирантка Донбасского государственного
педагогического университета

К ВОПРОСУ СИНОНИМИИ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА)

Рассмотрение терминологии как системы терминов, то есть модели определенной области знания, возможно в том случае, когда эта область «сложилась в достаточной степени, имеет свою теорию, выявила и осознала основные свои объекты и связи между ними» [8, с.119]. Среди внутренних языковых связей терминов в терминосистеме выделяют, в частности, парадигматические, то есть отношения слов по собственному смысловому содержанию. Так, на основе выделения семантически общих или отличительных признаков в результате противопоставления отдельных слов по их лексической семантике, группируются лексико-семантические парадигмы слов (синонимические, антонимические и т.д.) [11, с.252].

Теоретические основы изучения парадигматических отношений освещаются в работах А. А. Реформатского, Д. С. Лотте, В. П. Даниленко, А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, Н. В. Васильевой, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелева, Э. В. Кузнецовой и др. Актуальным представляется изучение терминосистем отдельных областей науки и техники, а именно языковых связей терминов в терминосистемах.

Изучение системных связей в транспортной терминологии уже было предметом лингвистического описания. Так, в диссертационном исследовании Ю. Н. Ревинной подано характеристику семантических явлений (в том числе синонимии) в автомобильной

терминологии немецкого и русского языков. Особенности системной организации украинских терминов автомобилестроения на уровне лексико-семантической парадигматики рассмотрено в работе Н. В. Никулиной. Описание системных связей в терминологии железнодорожного транспорта представлено в работах Е. В. Демишкевич «Социолингвистическое исследование английской терминологии железнодорожного транспорта», Е. М. Миронеско «Терминология железнодорожного пути и путевого хозяйства в современном русском языке», Л. А. Чернышовой «Антропололингвистические аспекты современной отраслевой терминологии» на материале русского и английского языков. Украинская терминология железнодорожного транспорта еще не была предметом лингвистического исследования.

Целью нашей статьи является определение особенностей синонимии в терминологической лексике и описание синонимичных структур в терминологии железнодорожного транспорта украинского языка.

Материалом исследования послужили термины переводных словарей железнодорожной лексики [1; 2], а также учебная и справочная литература по железнодорожной тематике.

Синонимией в лингвистической литературе принято считать совпадение по основному значению слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц. При этом подчеркивается, что синонимы: выражают одно понятие; различаются оттенками значения, или стилистической окраской, или и тем и другим; способны к взаимозаменяемости в контексте [4, с.53]. Большая роль синонимам отводится в развитии речевой культуры людей [3, с.98]. Основной же причиной появления синонимов можно считать желание избежать повторений, тавтологии, т.е. стремление к варьированию [9, с.77; 6, с.85].

Однако, существование в общелитературном языке абсолютных синонимов, т.е. слов, полностью совпадающих по значению и употреблению, вызывает сомнения. Но для

терминологий характерна именно абсолютная синонимия, что дает основания именовать это явление *терминологической дублетностью* [4, с.54; 5, с.73]. Терминологическими дублетами принято считать слова или словосочетания, которые «объединяются особой терминологической соотнесенностью с одним и тем же научным понятием и объектом действительности» [4, с.54].

Явление синонимии в терминологии ученые рассматривают как недостаток последней, который следует устранять [7, с.9 – 11; 10, с.35]. В то же время, по утверждению А. В. Крыжановской, полнота состава украинской терминологии в определенной мере обеспечивается именно функционированием синонимов наряду с общеупотребимыми терминами. Причиной появления таких синонимов служит поиск оптимального термина для наименования специальной реалии [10, с.35].

Синонимические ряды в украинской терминологии железнодорожного транспорта формируются в результате: 1) параллельного использования автохтонного и заимствованного терминов: *струмоприймач – пантограф, ідентифікація рухомого складу – ототожнення рухомого складу, акустичний сигнал – звуковий сигнал*; 2) общезыковой синонимии: *приведення – приводження – пускання (в рух поїзда), прискорений рух – пришвидшений рух, автоматичне керування – автоматичне управління*; 3) дефиниционной синонимии: *візок Долгова – шляховимірювач, динамомашинна – генератор електричного струму*; 4) языковой экономии, которая приводит к функционированию кратких форм синонимичных терминов, образованных средствами словообразования от полных форм терминов: *повітряний розподільник – повітродозподільник, підйомник колії – коліспідйомник, автоматична телефонна станція – АТС, контрольний пункт технічного обслуговування – КПТО*.

Структура железнодорожных терминов-синонимов украинского языка представлена такими типами: а) термин-слово и термин-слово: *паровоз – паротяг, аерофотознімання – аерофотографування*; б)

термин-словосочетание и термин-словосочетание: *магістральні лінії – магістральні колії, товарний поїзд – вантажний поїзд*; в) термин-слово и термин-словосочетание: *зносостійкість – стійкість проти спрацювання, шарикопідшипник – кулькова вальниця*; г) термин-словосочетание и термин-слово, образованное в результате сокращения этого словосочетания: *провізна спроможність – провозоспроможність, автоматичне гальмо – автогальмо*; д) термин-словосочетание и аббревиатура: *електромонтажний поїзд – ЕМП, інженерно – технічні працівники – ІТР*.

Вариация формы синонимичных железнодорожных терминов приводит к функционированию таких видов терминов-вариантов: 1) фонетические: *упорскування – впорскування (палива), перержавілий – переіржавілий*; 2) акцентные: *паропровідний – паропровідній, рзбїг – розбїг (підшипника)*; 3) грамматические: *дишель (м.р.) – дишло (ср.р.), жорсткий зчеп (м.р.) – жорстка зчіпка (ж.р.)*; 4) словообразовательные: *баластове – баластне (корито), незаражування – обеззаражування (рухомого складу)*; 5) синтаксические: *вагон бункерного типу – бункерний напіввагон, безквитковий проїзд – проїзд без квитка*.

Упорядочение отраслевых терминосистем несомненно способствует уменьшению синонимии терминов, в чем немалую роль играют государственные стандарты на термины и определения, а также лексикографические издания с указанием нормативности/ненормативности использования тех или иных терминов. Перспективным представляется дальнейшее изучение системных отношений в украинской железнодорожной терминологии, а именно антонимии, омонимии и многозначности.

Литература

1. Боднар Б. Є. та ін. Російсько-український термінологічний словник: Вагони та вагонне господарство. Локомотиви. Словник / Укл. Б. Є. Боднар, О. О. Бочарова,

В. В. Колбун. – Д. : Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту залізн. трансп. ім. акад. В. Лазаряна, 2005. – 163 с.

2. Ватуля Л. П., Фоменко В. С. Російсько-український словник залізничних термінів / За ред. Ю. В. Соболева. – 2-ге вид., випр. та доповн. – К. : Транспорт України, 2000. – 484 с.

3. Головин Б. Н. Введение в языкознание. Изд. 3-е испр. Учеб. Пособие для филол.специальностей ун-тов и пед.ин-тов / Б. Н. Головин. – М. : «Высшая школа», 1977 – 311 с.

4. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М. : Высшая школа, 1987. – 104 с.

5. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 248 с.

6. Журавлева Т. А. Особенности терминологической номинации. Монография / Т. А. Журавлева. – Донецк: ФООТ Торговый дом «Донбасс», 1998. – 253 с.

7. Как работать над терминологией. Основы и методы: по трудам Д. С. Лотте / Отв. ред. В. С. Кулебакин. – М. : «Наука», 1968, - 75 с.

8. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – Изд. 3-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

9. Русанівський В. М. Структура лексичної і граматичної семантики / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні / Відп. ред. О. С. Мельничук. – К. : Наук. думка, 1988. – 240 с.

10. Склад і структура термінологічної лексики української мови / [М. Ф. Богущка, А. В. Крижанівська та ін.] ; за ред. А. В. Крижанівської. – К.: Наукова думка, 1984. – 196 с.

11. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1968. – 272 с.

СЕКЦИЯ 4. Германские языки

Алекберова И.Э.

кандидат филологических наук, доцент
Российская международная академия туризма, Москва

ДИРЕКТИВ - ИНВИТИВ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ОБЩЕНИЯ

На современном этапе развития лингвистики диалогическое общение рассматривается как вид речевой деятельности партнёров, направленный на решение поставленных коммуникативных задач при помощи реплик, речевых действий и шагов.

Директивные инвигитивные конструкции достаточно продуктивны в современном английском, французском, итальянском и других языках. Нередко в повседневной жизни людям приходится слышать от окружающих в свой адрес такие высказывания, как *"Приглашаю тебя на чашечку кофе"*, *"Приходи ко мне сегодня вечером"*, *"Let's go to the cinema today"*, *"Viens chez moi ce soir!"*, *"I invite you to dance"*, *"Andiamo a ballare dopo le lezioni!"* и т.п. В большинстве случаев партнёры по общению произносят фразы подобного рода и не задумываются о том, что представляют собой высказывания подобного рода в грамматическом и синтаксическом плане.

Составляющими компонентами реплик диалога являются различные лексические единицы, то есть в диалогической интеракции зачастую присутствуют такие конструкции, как пермиссивные, адвесивные, интеррогативные, инвигитивные, опативные и т.п. Филология как наука гуманитарная в отличие от точных наук допускает множественность определений одного и того же понятия. В толковых словарях русского языка можно выявить общее звено, определяющее термин «приглашение» – просить либо призвать к выполнению действия.

Для сравнения рассмотрим детерминацию данного термина в зарубежных словарях. Большие толковые словари немецкого, французского и английского языков определяют приглашение как:

Нем: Einladung – 1) mündliche od. schriftliche Aufforderung an j-n, als Gast zu einem zu kommen od. mit einem als Gast irgendwohin zu gehen;

2) einladen – j-n auffordern od. bitten, als Gast zu einem zu kommen.

Франц: Invitation – 1) action d'inviter, son résultat;

2) parole ou lettre par laquelle on invite;

3) action d'engager; inviter – prier d'assister à

Англ: Invitation – 1) is a written or spoken request to come to an event such as a party, meal or meeting;

2) the card or paper on which an invitation is written;

3) behavior that encourages you to do smth;

4) to invite – to ask somebody to come or to do something, to go out with you.

Приведённые определения инвитива демонстрируют тождественность детерминации данного понятия: прошение одного лица другим выполнить какое-либо действие.

Поэтому директивные конструкции со значением приглашения привлекают внимание лингвистов различных школ и направлений, что обусловлено их грамматической и коммуникативно-прагматической спецификой, а также сложностью семантической организации инвитива (см. далее). Научных трудов, посвящённых комплексному анализу данного языкового явления, в современной лингвистике пока не существует. Высказывание-приглашение как особая функционально-семантическая категория занимает определённое место в ряду других лингвистических категорий. Они интерпретируются как одно из значений побудительности (директивности). В основе самого побудительного значения находится волеизъявление говорящего субъекта, которое проявляется в речевом понуждении адресата сообщения к выполнению определённого действия. В свою очередь побудительные

высказывания подразделяются на просьбы, приказы, советы, приглашения, предостережения и т.д., и границы побудительных реплик устанавливаются по-разному.

Как считают многие исследователи, степень побуждения может детерминировать коммуникативное, функциональное и прагматическое содержание конкретных высказываний со значением приглашения. Также отмечается, что «специальные оттенки повелительного наклонения создаются исключительно интонационными средствами». Приглашение как один из оттенков модального значения побудительности может быть выражено не только посредством степени побуждения, но и другими средствами, например, простым нарративом.

С позиций функционально-семантического подхода конструкции с установкой на приглашение можно представить в виде лексико-грамматических полей, поскольку в процессе интеракции они могут принимать оптативный (желательный) и директивный характер, предложенное действие может быть исполнено и не исполнено.

Побудительные реплики также исследовались с позиции прагматики речевого общения. По мнению прагмалингвистов, побуждение представляет собой коммуникативное значение, иллокутивную силу, в которой воплощается цель общения. Её содержание раскрывается из анализа взаимодействия исходной ситуации, действия говорящего или речевого акта, или аудитивного акта действия слушающего лица, направленного на достижение цели, поставленной говорящим субъектом, или результирующей ситуации.

Семантические дифференциальные признаки инвитивных высказываний (простое, настоятельное, вежливое, близкое к приказу, близкое к просьбе, близкое к предложению и т.д.) указывают, прежде всего, на их выражение, но не эксплицируют непосредственно семантические свойства самого высказывания с установкой на приглашение.

Справедливы слова о том, что главным признаком для описания коммуникативно-функциональных свойств того или иного типа высказываний должны быть не особенности их построения, а функциональные свойства.

Выделяя директивный тип высказывания, включающий в себя приказы, просьбы, приглашения, советы и т.п., Д. Вундерлих подчёркивает, что различие между данными высказываниями может быть выявлено посредством анализа соответствующих глаголов. Анализируя прагматические свойства побудительных глаголов французского языка, он считает, что семантические свойства этих глаголов определяются условиями их употребления.

Таким образом, диалогическое общение можно представить в виде динамической модели функционирования языка, построенной на принципах функционально-семантических представлений, которые, в свою очередь, отражают ролевые характеристики участников взаимодействия, а также их действия, связанные с определёнными намерениями. Речевое действие является основным компонентом динамической модели диалога. В свою очередь *приглашение* (инвитивная конструкция) как речевой акт представляет собой взаимодействие, в процессе которого направленное на адресата действие адресанта либо принимается, либо не принимается в силу заданных обстоятельств либо причин. Обратимся к следующим примерам:

(1) – *Want you to walk a little? – invited he Dr. Tosswill to go out for the afternoon, and they went.*

(2) – *Let's got the drink, he's drinking it, – said Manulo.*

(3) – *Don't you want to "faire une promenade" tonight?.*

Сравним также и русскоязычные высказывания со значением приглашения:

(4) – *На работу приглашаются*

(5) – *Клуб «Возрождение» приглашает на дружескую встречу участников войны и труженников тыла в канун Дня защитника Отечества.*

(6) – *Давай сходим вечером куда-нибудь, я приглашаю.*

Из приведённых примеров видно, что сфера функционирования высказываний с установкой на приглашение не ограничивается лишь разговорной речью в бытовом обиходе. Она также распространяется на стиль художественной литературы, где побудительные реплики-приглашения преимущественно можно встретить в речи персонажей, и, кроме того, инвитивные высказывания часто встречаются в рекламных текстах. Данные высказывания-приглашения в семантическом плане представляют собой побудительные предложения, поскольку основная глагольная лексема «пригласить» в их структуре отсутствует, то есть в функциональном плане мы сталкиваемся с прагматической транспозицией, когда инвитив переходит в форму приказа, просьбы и т.п. с предназначением инвитивности.

Тем не менее, наиболее типичными для инвитивных конструкций являются коммуникативные ситуации, складывающиеся в процессе динамического диалогического общения. Следовательно, живая разговорная речь – основная сфера функционирования директивных конструкций с установкой на приглашение.

Итак, можно говорить о семантическом и прагматическом значении высказываний-приглашений, поскольку функциональные условия содержат информацию содержательного и функционального характера, что реализует иллокутивный потенциал побудительного типа.

Павлова Ю. Б.

Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика, Молдова
pavlovsky_90@list.ru

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИРОНИИ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА

В последнее время в науке активное развитие получило антропоцентрическое направление, это значит, что во главу угла ставится человек, что приводит к тому, что теперь ученые исследуют не столько язык как структуру и систему, а человека, прежде всего, говорящего.

Одной из ведущих тем исследования в языкознании XX–XXI вв. становится процесс функционирования языка и личности. Ученые подробно рассматривают такие вопросы, как связь языка и мышления, языковая личность, языковая картина мира. Особенно много трудов посвящено изучению языковой личности в разных аспектах ее проявления.

Значительный вклад в исследование языковой личности внес Ю. Н. Караулов своей работой «Русский язык и языковая личность». По нашему мнению, определение языковой личности, предложенное исследователем, является на сегодняшний день самым емким и основополагающим: «Языковая личность – совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [4, с. 55].

В начале XXI века в отечественной лингвистике сформировалось особое направление, которое исследует языковую личность именно с точки зрения описания ее речевого портрета. Непосредственным толчком к изучению

понятия «речевой портрет» стала идея создания фонетического портрета, которая была выдвинута в середине 60-х годов XX века М. В. Пановым и блестяще воплощена им в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII–XX вв.

Затем ученые расширили область исследования и предприняли попытку создания, не просто фонетического, а речевого портрета. Так, Т. М. Николаева предлагает построение таких речевых портретов, в которых был бы компонент, который характеризовал бы тактику речевого поведения, т.е. выбор одних элементов и употребление их в речи в зависимости от условий общения и неупотребление, осознанное или подсознательное отвержение других [2].

На данном этапе изучения речевого портрета существует несколько его определений. Близким нашему пониманию речевого портрета является мнение С. В. Леорды, которая считает, что «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность» [5, с. 15]. Следовательно, проблема речевого портрета является частным направлением исследования языковой личности.

Объектом изучения может стать персонаж художественного произведения или кино. В литературе и кинематографе речевой портрет является средством создания образа. В этом случае *речевой портрет* – это подбор особых для каждого действующего лица слов и выражений как средство художественного изображения персонажей.

Итак, речевой портрет – это тот аспект изучения личности, который рассматривает человека с точки зрения его способности совершать речевые действия – порождение и понимание высказываний. Если внимательно вслушиваться в речь даже незнакомого человека, наблюдать его в различных ситуациях общения, мы можем составить речевой портрет данной личности.

При описании речевого портрета исследователи выявляют особенности на разных уровнях репрезентации языковой личности. Но не все языковеды следуют строгой модели описания речевого портрета. В языкознании

сложилось несколько точек зрения на способ описания речевого портрета, которые отражают его структуру и дают возможность его описать.

Наиболее близкой нашему мнению является точка зрения Т. М. Николаевой. Автор считает, что возможен анализ не всех слоев языка, так как особенности фонетики и словообразования обычно соответствуют общенормативным параметрам. Особенно важно, по мнению Т. М. Николаевой, при описании речевого портрета «фиксировать яркие диагностирующие пятна» [5, с. 15].

Такими «яркими диагностирующими пятнами» в речи доктора Хауса, главного героя выбранного нами для анализа американского телесериала «Доктор Хаус», являются случаи репрезентации иронии. Именно этот феномен наиболее ярко отражает особенности его речевого портрета.

В лингвистических исследованиях существует два подхода к интерпретации иронии: 1) ирония – *как стилистический прием* [1, с. 132]; 2) ирония *как результат* – создание иронического смысла с помощью средств различных языковых уровней [6]. Второй тип иронии называют *концептуальной*, или *текстообразующей*.

Концептуальная ирония создается средствами всех языковых уровней. Но при описании речевого портрета доктора Хауса особенно значимым является лексический уровень.

Прежде чем перейти к непосредственному исследованию речевого портрета главного героя выбранного нами американского телесериала «Доктор Хаус», нам бы хотелось привести некоторые сведения о нем.

Итак, «Доктор Хаус» (“House, M.D.”) – это американская телевизионная медицинская драма о враче-диагносте докторе Грегори Хаусе и его команде врачей. Создателем сериала является Дэвид Шор, канадский писатель, известный преимущественно своими работами на телевидении. Главную роль исполняет английский актер Хью Лори [3, с. 16].

Итак, главный герой сериала – доктор Грегори Хаус привлек внимание миллионов телезрителей своим интеллектом, гениальностью и, прежде всего, иронией. Именно благодаря своему главному герою и прежде всего его чувству юмора сериал стал популярным во всем мире. Известно, что образ персонажа создается его поведением, мимикой, интонацией, жестикуляцией. Но главную роль в создании персонажа играет его речь. Именно благодаря речи доктора Хауса полюбили миллионы телезрителей. А его высказывания нередко цитируют.

Для анализа мы выбрали 100 языковых единиц репрезентации концептуальной иронии на лексическом уровне, так как считаем, что именно этот языковой ярус содержит наибольшее количество ярких «диагносцирующих пятен», которые и помогут нам описать речевой портрет доктора Грегори Хауса. Для анализа мы использовали текст первых десяти эпизодов первого сезона сериала «Доктор Хаус».

Итак, в его речи мы встречаем большое количество примеров употребления разных стилистических приемов, которые становятся средствами создания концептуальной иронии.

Довольно часто встречаются случаи репрезентации иронии, основанной на **антифразисе**, т.е. несоответствии того, что говорят, и того, что подразумевают на самом деле:

Guy: I was thinking it also might be fibromyalgia.

*House: **Excellent diagnosis!***

«Пациент: А еще я подумал, может это фибромиалгия?»

*Хаус: **Отличный диагноз!*** [7]

Ироничность данного диалога основана на высказывании: *‘Excellent diagnosis!’*. При произношении данного высказывания Доктор Хаус имеет в виду абсолютно противоположное, так как предметно-логическое значение имени прилагательного *‘excellent’* обратно контекстуальному.

Одним из самых ярких особенностей характера доктора Грегори Хауса является **самоирония**. Это качество отражается, прежде всего, в его речи. Например:

*'House: You're the oncologist; I'm just a **lowly infectious disease guy**.*

Wilson: Nah, yes, just a simple country doctor'.

«Хаус: Ты онколог, а я лишь жалкий врач инфекционист.

Уилсон: Конечно, просто деревенский доктор» [7].

Ярчайшим примером использования иронии является небольшой монолог Хауса:

*'House: **This ray of sunshine** is Dr. Lisa Cuddy. Dr. Cuddy runs this whole hospital so, unfortunately, she's much too busy to deal with you. I am a **bored certified** diagnostician with a double specialty of infectious disease and nephrology. I'm also the only doctor currently employed at this clinic **who is here against his will**. That is true, isn't it? **But not to worry, because for most of you this job could be done by a monkey with a bottle of Motrin'.***

*«Хаус: А этот луч света – Доктор Лиза Кадди. Доктор Кадди управляет всей больницей, так что времени на вас в нее нет. Я **по горло сертифицированный** диагност с двумя специальностями: инфекциониста и невролога. Я пока единственный врач в этой клинике, **кого тут держат насильно**. И это правда, не так ли? **Но волноваться не нужно, большинству из вас поможет и мармышка с пузырьком ибупрофена» [7].***

В данном монологе несколько случаев реализации разных стилистических приемов для создания иронии. Во-первых, называя Доктора Кадди '*this ray of sunshine*' («этот луч света»), Доктор Хаус, конечно, иронизирует, используя **метафору**, зрители это понимают, зная его истинное отношение к начальству. Во-вторых, называя себя '*a bored certified diagnostician*' («**по горло сертифицированный диагност**»), Доктор Хаус также иронизирует, употребляя при этом **эпитет**. В-третьих, Доктор Хаус «успокаивает» пациентов, говоря: '*But not to worry, because for most of you*

this job could be done by a monkey with a bottle of Motrin («*Но волноваться не нужно, большинству из вас поможет и марьяшка с пузырьком ибупрофена*»).

Еще одним лексическим средством выразительности, которое делает речь Хауса ярче, является **каламбур**, или **игра слов**, например:

Cuddy: Patient is orange.

*House: **The color?***

*Cuddy: **No, the fruit**'.*

«*Кэди: Пациент оранжевый*

Хаус: Весь?

Кэди: Нет, наполовину» [7].

В данном случае ироничность высказывания основывается на многозначности слова *'orange'*, обозначающего в английском языке, как цвет, так и разновидность фрукта. Это еще раз заставляет нас убедиться в том, что средства создания иронии и юмора у доктора Хауса не имеют границ.

Близким стилистическим приемом каламбуру является **зевгма**. Она также используется Хаусом для создания комического эффекта. Например:

Wilson: That smugness of yours really is an attractive quality.

House: Thank you. It was either that or get my hair highlighted. Smugness is easier to maintain'.

«*Уилсон: Твое самодовольство располагает.*

Хаус: Благодарю. Был еще вариант осветлить волосы. Но самодовольство выходит дешевле» [7].

В данном примере к глаголу *'to maintain'* (*'поддерживать'*) относятся два разных зависимых слова, два имени существительных: 1) *smugness* (*'самодовольство'*); 2) *hair* (*'волосы'*). Помимо комического эффекта, достигаемого использованием зевгмы, мы можем также отметить, что это самоирония, которая выступает в данном случае, как механизм самозащиты. Доктор Хаус очень спокойно воспринимает шутки от Уилсона в свой

адрес, он даже склонен к усилению комического эффекта за счет употребления своих каких-либо образных средств.

Для доктора Грегори Хауса на первом месте не отношения с коллегами или начальством, не бюджет клиники, не собственная репутация, а благо больного. Несмотря на это, он бывает иногда груб с пациентами, особенно, если видит непонимание всей серьезности ситуации со стороны родственников больных. Иногда этой выражается в использовании высшей степени иронии – **сарказма**. Например:

‘House: Gribbit, gribbit, gribbit. You know another really good business? Teeny tiny baby coffins. You can get them in frog green or fire engine red. Really’.

«Хаус: Ква, ква, ква. Знаете, какой еще есть хороший бизнес? Малюсенькие детские гробики. Вы можете заказать их в ярко-зеленой или огненно-красной окраске. Правда» [7].

Так доктор Хаус пытается объяснить родителям ребенка, которые сомневаются в необходимости врачебного вмешательства, что его срочно необходимо лечить.

Еще одним приемом, которым часто пользуется Хаус для создания концептуальной иронии, является **перифраз**. Например:

‘House: People don't bug me until they get teeth’.

«Хаус: Люди без зубов меня не достают» [7].

В данном случае доктор Хаус под словами “*People ... until they get teeth*” подразумевает слово *children* (‘*дету*’). Доктор Хаус никогда не употребляет уменьшительно-ласкательных слов, когда говорит о детях, а наоборот, он максимально циничен и даже груб. И использование данного перифраза является доказательством этого качества Хауса.

Хотя доктор Хаус часто себя проявляет очень грубым по отношению к пациентам, он все же иногда использует **эвфемизмы**, чтобы не казаться слишком резким и прямолинейным:

'House: Ok, I'm gonna assume that no body's ever told you what asthma is, or if they have, you had other things on your mind'.

«Хаус: Я предположу, что вам никто не объяснял, что такое астма, или же объяснили, но вы думали о чем-то другом» [7].

В данном случае доктор Хаус не называет пациента глупым, а использует эвфемизм, который в этом примере выражен целым предложением.

Еще одним средством создания концептуальной иронии является **аллюзия**:

'Wilson: Fourth circle of Hell. Charting goes a lot faster when you eliminate the whole of classic poetry.

House: Writing down what we already know to be read by nobody. Pretty sure Dante would agree that qualifies as useless'.

«Уилсон: Четвертый круг ада. Составление медицинских карт пойдет быстрее без составления этой лирики.

Хаус: Напишем, а все равно никто не будет читать. Сам Данте со мной согласился бы» [7].

В речи доктора Грегори Хауса также иногда встречаются **окказионализмы**. Например:

'House: So, we've got pride, anger, envy, gluttony.... That's four out of seven deadly sins in two minutes. Do you people keep records of these things? Is there a Cathlympics?'

«Хаус: Итак, у нас есть гордыня, злость, зависть, обжорство... Четыре из семи смертных грехов за 2 минуты. Рекорды не регистрируете? **Католимпийские игры** бывают?» [7]

В данном случае окказионализм *Cathlympics* ('Католимпийские игры') используется Хаусом для насмешки над монахиней. Этот окказионализм образован сложносокращенным способом от сложения двух основ *Catholic* ('католический') и *Olympics* ('Олимпийские игры').

Концептуальная ирония очень часто используется Хаусом в общении со своими молодыми коллегами. Ирония становится средством обучения коллег. Хаус проявляет себя

как настоящий учитель. Он учит силе и стойкости, которые нужны, чтобы выходить за рамки решений, напечатанных в учебниках, не сдаваться, идти на риск и использовать воображение. Например, Хаус учит наблюдательности и умению задавать пациентам прямые вопросы, даже если эти вопросы кажутся бестактными. Особенно это было невероятно сложно для его молодой коллеги доктора Кэмерон:

“Cameron: You want me to ask a man whose wife is about to die if he cheated on her?”

House: No, I want you to be polite and let her die”.

«Кэмерон: Вы хотите, чтобы я спросила у человека, чья жена умирает, изменял ли он ей?»

Хаус: Нет, я хочу, чтобы ты была вежливой и позволила ей умереть» [7].

Итак, мы проанализировали 100 единиц репрезентации концептуальной иронии на лексическом уровне в речи доктора Хауса. Результаты проведенного нами анализа приведены в таблице ниже:

Таблица 1. Лексические средства репрезентации концептуальной иронии

№ п/п	Лексическое средство	Количество единиц
1.	Ирония (антифразис)	31
2.	Сарказм	16
3.	Метафора	13
4.	Эпитет	12
5.	Перифраз	10
6.	Каламбур	7
7.	Гипербола	5
8.	Окказионализм	4
9.	Зевгма	2
	<i>Всего:</i>	<i>100</i>

Исходя из приведенных данных, мы можем сделать вывод, что из 100 единиц репрезентации концептуальной иронии наиболее часто доктор Хаус использует антифразис и сарказм. Реже встречаются такие средства, как: зевгма, гипербола, окказионализм. Эти особенности речевого портрета доктора Хауса объясняются следующими чертами его характера: ироничность, цинизм, честность, уверенность в себе, бестактность и резкость.

Мы можем сделать вывод, что концептуальная ирония становится средством создания речевого портрета в данном сериале, так как «яркими диагностирующими пятнами» являются единицы выражения именно этого феномена. Для репрезентации данного типа иронии доктор Хаус использует большое количество стилистических приемов, которые являются отражением особенностей его характера и мышления.

Литература

1. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.
2. Гордеева М.Н. Речевой портрет и способы его описания / М. Н. Гордеева // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. – 2008 – №6. – С. 94. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.hqlib.ru/st.php?n=101> (дата обращения 15.09.2014)
3. Джейкоби Г., МакМахон Д., Голдблатт Д. Хаус и философия: Все врут! = House and Philosophy: Everybody Lies — М.: «Юнайтед Пресс», 2010. — С. 244. — ISBN 978-5-904522-34-6 - <http://lib.rus.ec/b/245267>
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. - М.: Наука, 1987. - 356 с.
5. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: Речь русских студентов на рубеже XX-XXI веков / Монография. - Германия: Lambert Academic Publishing, 2012. - 144 с. ISBN-13: 978-3-659-11418-2, ISBN-10: 3659114189; EAN: 9783659114182.

6. Петрова О.Г. Ирония как способ создания образов персонажей в идиостилиях Ч. Диккенса и У. М. Теккерея // Вестник Челябинского государственного университета № 34 (172)// Филология. Искусствоведение, Вып. 36 с. 73–77, 2009 — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/172/013.pdf> (дата обращения 15.09.2014)

7. Shore D., Blake P., Cooper S. B. House M.D. — 2004 — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.tvsubtitles.net/tvshow-9-1.html> (дата обращения 15.09.2014)

Петрова И. М.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ КОНВЕРСИОННОЙ МОДЕЛИ N-V В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Конверсия является крайне важным средством пополнения словарного состава языка и в той или иной степени присуща многим языкам, но в английском языке она имеет особенно широкое распространение. Это обусловлено практически полным отсутствием в этом языке морфологических показателей частей речи. Морфологические флексии частей речи либо не различаются вовсе, либо могут различаться по словообразовательным аффиксам. Данное обстоятельство позволяет интенсивно использовать конверсию в словообразовательном процессе. В зависимости от потребности коммуникации, по конверсии в английском языке можно образовать новое слово от любой части речи.

В результате наличия такой плодотворной функции конверсия как языковое явление всегда являлась предметом

научных исследований. В английском языке конверсия выступала предметом рассмотрения в трудах Г. Свита, Л. Бауэра, Е. Крейзинга, О. Есперсена и др. Так, например, в работах Г. Свита (H.Sweet) конверсия трактуется как синтактико-морфологический словообразовательный процесс, при этом, он не отказывается от идеи синтаксической полифункциональности слов [12]. Подобный подход к конверсии получил в дальнейшем широкое распространение, хотя имеют место и ряд других подходов. В частности, Л. Бауэр (L. Bauer) определяет конверсию как изменение грамматической формы слова: "Conversion is the change in form class of a form without any corresponding change of form". Он выделяет основные типы конверсии, такие как N>V, V>N, Adj>N, Adj>V, и приводит наиболее характерные модели для каждого случая: N>V to badge, to bridge, to mail, to vacation; V>N a call, a command, a guess, a spy; Adj>N a creative, a crazy, a daily, a regular; Adj>V to dirty, to empty, to better, to open [11, с. 229–230].

В отечественном языкознании также имеют место вариативные трактовки данного понятия. Например, в определении конверсии, данном Р. С. Гинзбург, на первом месте стоит фонетическая идентификация слов, относящихся к различным частям речи, а именно: "Conversion, one of the principal ways of forming words in Modern English, is highly productive in replenishing the English word-stock with new words. The term conversion which some linguists find inadequate, refers to the numerous cases of phonetic identity of word-forms primarily belonging to different parts of speech" [7, с. 127]. Подобный подход близок и Г. Н. Бабиц, которая определяет конверсию как фонетическую идентификацию форм слов, которые принадлежат к разным частям речи. Лексемы создаются без участия какого-либо аффикса [3, с. 57–58].

И. В. Арнольд, под конверсией понимает образование нового слова, относящегося к иной части речи с иными дистрибутивными характеристиками без присоединения какого-либо словообразовательного элемента[1, с. 156]. В

своей работе «Лесикология современного английского языка» автор трактует конверсию как лексико-грамматическую единицу, которая обладает способностью варьировать свою частеречную принадлежность и имеет различную дистрибуцию в потоке речи.

Таким образом, можно сказать, что современные исследования этого понятия рассматривают его как семантико-морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором слово одной части речи образуется от слова другой без изменения внешней формы исходного слова, а словообразовательным средством при этом является семантический сдвиг, морфологическая парадигма и грамматическая оформленность слова.

Иными словами конверсия – это «способ образования новых слов, при котором внешняя форма не меняется, но слово переходит в другой грамматический разряд, приобретая новые функции и новое значение» [6, с.72]. При образовании нового слова по конверсии меняется не только его грамматическое значение, но и лексическое, что и приводит к появлению нового слова. Данное обстоятельство весьма актуально с точки зрения когнитивной неологии, так как анализ этого способа словообразования может способствовать пониманию концептуальных основ развития новых значений.

При конверсии в производной и исходной основах возникают следующие изменения:

- происходит изменение семантики производного слова в сравнении с исходной основой; например, прилагательное, переходящее в существительное, перестает обозначать признак предмета и начинает выражать предмет;

- изменяется сочетаемость производных слов; так, существительное может употребляться в любой позиции в предложении, а, переходя в класс прилагательных, оно употребляется только перед существительным;

- изменяется парадигма слова; переходящее слово принимает все грамматические признаки новой части речи; например, существительное, переходя в разряд

прилагательных, как и прилагательные, перестает изменяться по падежам, числам и категории притяжательности. По этому поводу А. И. Смирницкий пишет: «Конверсия есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова» [9, с. 24].

Как показывают современные исследования, конверсионная модель N-V является самой широко распространенной в английском языке. Примерно половина всех простых глаголов образована по конверсии от существительных, что служит ярким примером большой продуктивности конверсии в области образования глаголов от имен существительных. Практически от любого существительного, при необходимости, можно образовать глагол. Группа глаголов, образованных от прилагательных, в английском языке немногочисленна.

Говоря о семантике новообразованных глаголов, отметим, что в работе М. С. Асановой [2] выявлено 3 группы, на которые условно можно разделить глаголы, образованные от простых, производных и сложных существительных:

- а) исходные существительные находят лишь частичное отражение в семантике производных от них глаголов;
- б) семантика производного глагола превосходит по объему семантику исходного существительного;
- в) объем значений производного глагола совпадает с объемом значений исходного существительного.

В группе глаголов, образованных от сложных производящих основ существительных, большую часть составляют глаголы, образованные от однозначных существительных. Объектом нашего рассмотрения выступают глаголы, образованные от сложных существительных такие, например, как *toilet-paper, v. lowbell, v. rooster-tail, v.и др.* Правомерность определения способа образования данных глаголов с помощью рассматриваемой конверсионной модели обусловлена

информацией об этимологии этих глаголов, представленная в Oxford English Dictionary¹.

Например, toilet-paper, v. Etymology: < toilet paper n.; lowbell, v. Etymology: < low bell n.; rooster-tail, v. Etymology: < rooster tail n. Наряду с данной группой глаголов выделяются и глаголы образованные из словосочетаний N+V, например, book-pad - Etymology: < book n. + pad v; to honeyfuggle - Etymology: Apparently < honey n. + fuggle v.; ego-surf - Etymology: < ego n. + surf v.

Мы включаем эту группу глаголов в данную конверсионную модель в силу того, что компонент, выраженный существительным, несет семантическую нагрузку, которая выражается в конкретизации действия, выраженного глаголом, что, в свою очередь определяет уникальность значения новообразованного глагола. Эта модель словообразования содержит когнитивный аспект, характеризующийся тем, что такие глаголы часто являются окказионализмами, например, book-pad² и при этом могут появляться в речи разных людей, фиксироваться словарями³.

Кроме того, она активно участвует в создании новой лексики, например, появление такого слова, как ego-surf⁴

¹ <http://www.oed.com/>

² См., например, book-pad - 1685 F. Spence tr. A. Varillas *Авекдота Етеровиака* 281 He book-padded the ancient panegyrics of the noblest thoughts that suited with his subject) <http://www.oed.com/>

³ Например, глагол to honeyfuggle:

1975 S. Perelman *Vinegar Puss* 85, I might have been any stagedoor John honeyfoggling some fly chorus girl with a nosegay of wilted flowers.

1996 C. Anderson *Keegan's Lady* 7, Behind him rode Estyn Beiler, one of the two scoundrels who had honey-fuggled Joseph in Saint Louis. -fuggling⁷.

1994 E. Buchanan *Miami, it's Murder* (1995) 101, He don't want anybody else honeyfuggling around you. <http://www.oed.com/>

⁴ *intr.* To search on the Internet for mentions of one's own name or the name of one's business, website, etc.

intr. To search on the Internet for mentions of one's own name or the name of one's business, website, etc. <http://www.oed.com>

свидетельствует о продуктивности подобного способа словотворчества. Когнитивно-прагматический потенциал этой словообразовательной модели крайне высок, т.к. спектр значений, которые могут быть переданы таким способом, достаточно широк. Например, глагол to keyhole⁵ включает в себя, наряду с обозначением физической активности, и значения, сопряженные со значением прилагательного, такие, как «сующий нос в чужие дела, вторгающийся в чужую жизнь; касающийся личной жизни (*об информации*); подсматривающий, подслушивающий; касающийся личной стороны жизни».

Подобное свойство актуализирует прагматический аспект значения. Так, например, глагол honey-fuggle в следующей фразе: 'Don't honey-fugle,' he advised the committee, 'but go to the bottom in any way possible.' (1906 *Nation (N.Y.)* 22 Feb. 149)⁶ демонстрирует негативное отношение к членам комитета, заключающееся в подтексте, что говорящий явно считает их способными на неблагоприятные действия, а во фразе:

Pardon me for using the word, but Sharp 'honey-fuggled' around me. (1856 *Congress. Globe* 22 July App. 965)⁷ такого явного прагматического эффекта не наблюдается.

Можно сказать, что данная конверсионная модель актуализирует когнитивный потенциал слов и реализует прагматический компонент значения, так как наличие прагматического компонента в лексическом значении слова является языковым проявлением прагматики, а реализация этого компонента происходит в речи и проявляется в применении прагматической установки, в основе которой лежит характер отношений между субъектом и адресатом.

⁵ *trans. orig. U.S.* To look at or listen to (a person, activity, etc.) through a keyhole; (hence) to eavesdrop or spy [http://www.oed.com /on](http://www.oed.com/on). Also: to obtain an intimate view or detailed knowledge of.' <http://www.oed.com>

⁶ <http://www.oed.com>

⁷ <http://www.oed.com>

Согласно В.Н. Заботкиной, одной из задач когнитивной неологии является определение концептуальных основ развития новых значений слов. Важную роль в процессе образования новых значений играют когнитивные процедуры интерференции и наследования [8,с.224]. Под термином процедуры наследования понимается передача определенного объема концептуальной информации, заключенного в исходном значении слова, новому значению или значениям [5].

Наличие нескольких компонентов в структуре подобного глагола может служить материалом для понимания процедур интерференции и наследования, кроме того, мы полагаем, что данная модель обладает большим потенциалом и для анализа прагматического компонента в значении слова. Таким образом, использование когнитивно-прагматического подхода к анализу словообразовательных явлений способствует углублению понимания трансформации концептуальных значений слов. На уровне семантики лексических единиц осуществляется анализ глубинного когнитивного семантического уровня, который можно обозначить - как когнитивный уровень семантики языковой единицы [4]. Прагматический подход к исследованию лексики, в свою очередь, дает возможность декодировать на уровне слова черты широкого прагматического контекста, включая параметры пола, возраста, этнического и социального статуса говорящего.

Литература

1. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1986.
2. Асанова М. С. Конверсия как способ словообразования: на материале английского и карачаево-балкарского языков/ Автореф. дис. ... канд.филол.наук, Нальчик, 2007.

3. Babich, G. N. *Lexicology: A Current Guide* / G. N. Babich. – Yecateringburg – Moscow: Ural Publishers Great Bear, 2005.
4. *Беляевская Е. Г. Семантика слова: Учеб. Пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Е.Г. Беляевская - М.: Рус. яз., 1999.*
5. Боярская Е.Л. Когнитивные основы формирования новых значений полисемантических существительных современного английского языка: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. М., 1999.
6. Бочкарева, Т.С., Основы теории изучаемого языка. Теоретическая грамматика английского языка. Лексикология: Методологические указания к практическим занятиям/ Т. С. Бочкарева, В. В. Морозов – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004.
7. Ginzburg, R. S. *A Course in Modern English Lexicology* / R. S. Ginzburg, S. S. Khidekel, G. Y. Knyazeva, A. A. Sankin. – М.: Vysshaya shkola, 1979.
8. Заботкина В.И. Слово и смысл/ В.И. Заботкина. - М.: РГГУ, 2012.
9. Смирницкий И. А. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностранные языки в школе. 1953. №5. С. 24.
10. М. В. Яблокова Конверсия как активный способ словообразования в современном английском языке // Ярославский педагогический вестник – 2012 – № 1 – Том I (Гуманитарные науки) / с.198-201
11. Bauer, L. *English Word-formation* / L. Bauer. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
12. Sweet H. *New English Grammar. Logical and Historical* / H. Sweet. – London: Oxford University Press, 1930.

Рустемова А. И.

ст. преподаватель кафедры иностранных языков
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева

Шахпуртова З. Х.

ст. преподаватель кафедры иностранных языков
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан

ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРОФЕССИОНАЛЬНО – ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК» НА ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ

В настоящее время основная задача высшего образования заключается в формировании творческой личности специалиста, способного к саморазвитию, самообразованию, инновационной деятельности. Президент страны Н.А.Назарбаев поставил высокую планку перед отечественным образованием. Оно должно стать высококачественным, таким, чтобы казахстанские выпускники вузов могли быть конкурентоспособны на международном рынке труда. Поэтому важнейшей стратегической задачей образования является, с одной стороны, сохранение лучших казахстанских образовательных традиций, с другой стороны, обеспечение выпускников иноязычными профессионально-ориентированными коммуникативными компетенциями. В этой связи понимание роли языков в современном мире с особой остротой ставит перед нами вопрос о результативности обучения языкам и повышении уровня языковой подготовки студентов. Следовательно, основной задачей для преподавателей современных технических вузов на сегодняшний день является поиск, исследование и применение актуальных методов преподавания ИЯ.

Специалисты, которые хотят быть конкурентоспособными на рынке труда, должны быть в курсе актуальных новостей отрасли, это необходимо для эффективной работы в этой сфере. При этом новая

актуальная специализированная литература далеко не всегда оперативно переводится на русский язык. Поэтому, чтобы поддерживать свою профессиональную компетентность, специалистам необходимы знания английского языка.

В данный момент, в условиях расширяющегося международного сотрудничества, увеличивается спрос и на специалистов-физиков в совершенстве владеющих английским языком. Это обуславливает необходимость качественной подготовки студентов физических специальностей, профессионально владеющих несколькими языками и тем самым получающих реальные шансы занять в обществе более престижное положение, как в социальном, так и в профессиональном отношении. Знание английского языка дает неоспоримое преимущество, не говоря уже о том, что существенно повышает квалификацию специалиста и делает его более ценным сотрудником.

С этой целью в высших учебных заведениях Казахстана преподается дисциплина «профессионально – ориентированный английский язык». В процессе изучения этой дисциплины, студенты знакомятся с необходимой профессиональной лексикой, читают тексты, содержащие специальную лексику, развивают диалогическую и монологическую речь. Для освоения языка специальности, на котором осуществляется общение необходимо знать и уметь правильно употреблять те лексические единицы, которые обозначают специальные понятия (frame of reference, acceleration, gravitation, reflection etc.). Изучаемые темы, тексты, речевые задачи имеют профессиональную направленность.

Например, студенты, обучающиеся на физико-технических факультетах, рассматривают такие темы как: "What science is physics", "Matter and energy", "Three states of matter", "Elastic and Inelastic bodies", "Physical laws", "Physical terms", "a", "Atoms" и т. д. При изучении данных тем производится систематическая реализация межпредметных связей, что является одним из важных стимулов повышения интереса студентов к иностранному языку. Это способствует

повышению уровня знаний студентов, активизирует их мыслительную деятельность, прививает умение самостоятельно работать.

В ходе обучения, для повышения качества подготовки специалистов используются также нетрадиционные формы ведения занятий: конкурсы, ролевые игры, тематические вечера, олимпиады, конференции на междисциплинарной основе. Такие занятия вызывают профессиональный интерес у студентов, расширяют их кругозор, развивают познавательную самостоятельность обучающегося, превращая его в активного участника учебного процесса. Подобные занятия позволяют студентам стать высококвалифицированными, востребованными специалистами своего дела!

Приведем образцы заданий, направленных на расширение и закрепление профессиональной лексики, которые можно использовать на уроках английского языка для студентов второго курса физико-технического факультета.

Задание 1: Просмотреть видео материалы по физике. После просмотра видео студенты отвечают на вопросы по физике «What do the experiments show?». Объясняют какие физические законы и явления они увидели при просмотре видеоматериалов.

Например:

Video 1: The man lifts the small pieces of paper with the help of a balloon? «What does the experiment show?». (Answer: The balloon sticks the small pieces of paper if he rubs it against his sleeve, because the balloon becomes charged.)

Video 2: The man pours water into the bucket and starts swinging the bucket in a circle around his hand. How can he turn a bucket of water upside-down without the water falling out? (Answer: One can do it with the help of centripetal force. The force holds the water inside when the bucket is circling.)

Задание 2: Студенты отвечают на вопросы по физике. Время обсуждения - 1 мин. За каждый правильный ответ - 1 балл. По сумме баллов объявляют победителя.

Например:

1. What makes a soap bubble rise and fall?
2. Why does a man tap the wheels of a train at the station?
3. Why does iron seem colder than wood?
4. Why does your face turn pale when you are frightened?
5. Why do we put a spoon in a glass before we pour hot water into it?
6. What makes the wind whistle?
7. Why can we not make water hotter when it is boiling?

Задание 3: Конкурс на лучшее знание законов по физике на английском языке. Студенты отвечают на вопросы:

1. What is a molecule?
2. What is a solid?
3. What is the first law of motion?
4. What is the third law of motion?
5. What is potential energy?
6. How are these varieties of energy related?
7. How is light propagated?

Задание 4: Переведите предложения на английский язык.

1. Каково время жизни данного состояния? (Answer: What is the lifetime of this state?)
2. Реакции передачи нуклонов имеют место во внешних слоях ядра. (Answer: Nucleon transfer reactions occur in the outer layers of the nucleus.)
3. Эти реакции разрешены. (Answer: These reactions are allowed.)
4. Эти реакции запрещены. (Answer: These reactions are forbidden.)
5. Удельная активность препарата. (Answer: Specific activity of the source.)
6. Измерение периода полураспада изотопа. (Answer: Measurement of the half-life of an isotope.)

Из приведенных примеров видно, что тексты соответственно подходят только для конкретных специальностей. В процессе обучения эффективность формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов обеспечивается посредством использования активных, практико-ориентированных методов обучения, адекватно отражающих содержание и структуру иноязычной, профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции будущего специалиста.

Таким образом, через развитие необходимых профессиональных компетенций студентов средствами дисциплины «Профессионально – ориентированный английский язык» решается одна из важнейших проблем современного высшего образования в эпоху глобализации – подготовка специалистов, готовых к социальной и академической мобильности и компетентных в профессиональном отношении.

СЕКЦИЯ 4. Теория языка

О. В. Ширяева

кандидат филологических наук, докторант кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета,
г. Майкоп

ТОП «АВТОРИТЕТ» В СИСТЕМЕ РИТОРИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ НА ДЕЛОВУЮ ТЕМАТИКУ

Одним из объектов изучения современной теории языка является язык СМИ. Ввиду многоаспектности данного объекта, а также значимых и стремительных изменений в содержательной структуре, коммуникативных стратегиях, стилистике, условиях бытования исследование

массмедийных текстов осуществляется в режиме междисциплинарного диалога. Основные направления медиаисследований – теория и практика коммуникаций, дискурсология, семиотика, культурология, социология, когнитивная лингвистика, риторика, психолингвистика [9], медиапсихология [6].

Риторический подход к анализу текстов СМИ переживает на рубеже XX-XXI вв. подлинный расцвет. На сегодняшний день можно говорить о сформировавшихся школах: неориторическая «лингвофилософия» (И.В. Анненкова [1]), риторическая теория стилей и дискурсов (Г.Г. Хазагеров [4-5]), «лингвориторика» (А.А. Ворожбитова [3]), классическая риторика в анализе текстов СМИ (А.А. Волков [2], [9, с. 118-132]) и др. В своем подходе мы соединяем принципы классической риторики и когнитивной лингвистики (в частности, теорию концептов).

Ранее нам приходилось писать о специфике риторической модели медиатекста [8]. В данной статье мы рассмотрим один из аспектов риторической модели медиатекста, в частности, один из приемов аргументации в аналитической статье деловой тематики. В качестве объекта анализа выбран прием эристической аргументации – общий топ «авторитет», на апелляции к которому строится убеждающая речь в деловой прессе. Материалом исследования являются статьи деловой аналитической прессы – газет «Коммерсантъ», «РБК daily», «Ведомости», журналов «Эксперт», «Деньги» (подробно о дискурсе деловой аналитической прессы см.: [7]).

Применение риторического подхода к текстам СМИ основано на признании за ними статуса «целесообразного слова» (А.А. Волков [9, с. 118]). Соответственно, в них реализуются процедуры аргументации, и одним из наиболее характерных типов является эристическая аргументация. «Эристическая аргументация в основном направлена не к полемическому противнику (оппоненту), а к аудитории, в которой различные риторы представляют и отстаивают конкурирующие позиции. Поэтому эристическая

аргументация направлена на присоединение аудитории (или ее части) к позиции ратора и на отчуждение аудитории от других раторов. В эристической аргументации широко применяются аргументы к авторитету, к человеку, к личности, к незнанию, к действительному интересу» (А.А. Волков [9, с. 121]). В аналитических статьях деловой прессы апелляция к авторитету служит средством ведения «цивилизованного» спора в условиях конкурирующих позиций бизнес-среды: издание предстает в качестве рупора экспертного сообщества.

Итак, наиболее универсальные топы называют «общими», а те, которые разделяются лишь некоторыми социальными, профессиональными сообществами, обозначаются как «частные». Дифференциация целевой аудитории современной прессы основана, с риторической точки зрения, на размежевании различных систем частных топов. Так, соответственно, можно выделить топы, разделяемые читателями (читательницами) глянцевого, желтого, деловой прессы и т.п. Отсылка к авторитету как прием убеждения являлась характерной для агональной культуры древних греков эпохи полиса: состязательность, выявление лучшего в какой-либо деятельности, искусстве было основным стимулом развития граждан полиса. В XX в. это качество легло в основу бурно развивающегося принципа капиталистической конкуренции, практической философии успешного человека, реализующейся на языковом и дискурсивном уровнях как деловая картина мира. Отсылка к авторитету становится в современной журналистике средством идеологического, нравственного, этико-делового ориентира. Именно данный прием положен в основу современной западной культуры экспертов – т.е. культуры опоры на профессиональный, деловой, политический авторитет специалистов в своей области.

Результатом апелляции к авторитету в аналитической статье деловой тематики является моделирование языкового концепта «эксперт», который является одним из базовых концептов в деловой картине мира и составляет одно из

необходимых условий успешной массмедийной бизнес-коммуникации, т.к. формирует представление о трех критериях доверия к информации, а значит, и гарантирует эффективное убеждение аудитории: *истинность, персонализация, авторитетность.*

В основе функционирования концепта «эксперт» – единая типовая пропозиция: *некто (авторитетный) выносит компетентное суждение о предмете.* Данная пропозиция может быть реализована в различных профессиональных дискурсах: юридическом, медицинском, техническом, научном. В дискурсе деловой прессы указанная пропозиция репрезентирована в лингвопрагматической ситуации: *специалист комментирует новость из профессионального сегмента действительности, в котором он компетентен.* Языковая личность эксперта необходимым образом характеризуется его профессиональными компетенциями: они репрезентируются в описании статуса – должности, профессиональных заслуг, ученой степени, опыта и пр. «экспертный» дискурс может быть персонализирован как в говорящей личности, так и в коллективном субъекте. В последнем случае концепт представлен «от лица» авторитетной организации, на которую распространяются указанные требования авторитетного статуса (рейтинговое агентство, информационное агентство, научно-исследовательский институт, авторитетный медиаисточник, независимые организации – статистические, архивные институции) или вербализован в речи, приписываемой анонимной инстанции. Анонимный «эксперт» номинируется лексемами, входящими в ядро (ср.: «эксперты», «экспертное сообщество», «наши эксперты», «команда экспертов», «большинство экспертов») или периферию концепта («аналитики», «специалисты», «участники рынка»), иногда – конкретизируется в номинациях специальностей, экспертных областей («финансисты», «банкиры», «энергетики» и т.п.).

С помощью концепта «эксперт» вербализуется та часть деловой картины мира, которая «отвечает» за достоверность транслируемого медиатекстом знания. В данном ментальном

конструкте отображены амбивалентные представления о знании. С одной стороны, они должны быть объективными (критерий «истины»): достоверными, точными, верифицируемыми. С другой стороны, носителем знания является человек, а в медиадискурсе это главный источник информации. Поэтому наряду с логическим критерием «истины» приобретает значимость критерий «персонализации», т.е. личной ответственности человека за транслируемое им знание. Истинное знание и личная ответственность за него интегрированы в лингвотипаже «эксперта»: здесь подключается третий важный критерий – авторитетность. Соединяя три данных ментальных критерия, концепт «эксперт» способствует логико-этической, аксиологической «легитимизации» деловой картины мира и тем самым гарантирует деловой прессе «авторитетность» транслируемых ценностей.

Литература

1. Анненкова И.В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель (лингвофилософский аспект): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2012.
2. Волков А.А. Теория риторической аргументации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.
3. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2000.
4. Хазагеров Г.Г. В поисках новой дискурсивной стилистики (о слабостях функционально-стилистического подхода и перспективности риторической теории стилей) // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. науч. альманах / Под ред. Г.Н. Манаенко. Вып. 3. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ. – С. 13-22.
5. Хазагеров Г.Г. Риторика тоталитаризма. – Ростов н/Д: Foundation, 2012.

6. Человек как субъект и объект медиапсихологии. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова / Ин-т человека, Изд-во Моск. ун-та, 2011.
7. Ширяева О.В. Деловая аналитическая пресса в структуре масс-медиа: когнитивно-дискурсивный аспект. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2014.
8. Ширяева О.В. Лингвориторическая модель анализа медиатекстов // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 17 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012. – С. 24-26.
9. Язык средств массовой информации: Учеб. пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2008

**СЕКЦИЯ 5. Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание**

Смирнова М. С.

аспирант, Мариупольский государственный университет

**ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ОЦЕНКИ В
ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ XX ВЕКА**

Оценивающая дискурсивная стратегия играет одну из ведущих ролей в жанре проповеди, так как целью любого образца религиозного дискурса является оценка определенных явлений, представление своей собственной шкалы жизненных ценностей и ориентиров, необходимых для спасения души.

Цель данной статьи — рассмотрение тактических приемов реализации дискурсивной стратегии оценки в православной проповеди XX века. Иллюстративным материалом для статьи послужила выборка цитат из проповедей известных русско-, украино-, англо- и грекоязычных православных священнослужителей XX века.

В ходе исследования было установлено, что оценивающая дискурсивная стратегия реализуется в проповедях в виде двух тактик: коммуникативной тактики отрицательной и положительной оценки событий и поведения. Эти обе тактики направлены на формирование у реципиентов определенного сценария социального взаимодействия, которое одобряется религиозным обществом. В реализации дискурсивной стратегии оценки проповедник выступает как авторитетное лицо, как агент религиозного дискурса, который имеет право на одобрение или осуждение любых воздействий окружающей его общины и социума. Две фазы раскрытия темы проповеди включают в себя ошибочные пути решения проблемы и правильное решение проблемы с точки зрения религиозного учения [2, с.95]. При объяснении и характеристики ситуации проповедник дает свою оценку способам решения проблемы. При этом он указывает на ошибки, невозможность правильно разрешить ситуацию и предлагает единственно верное с точки зрения христианства решение проблемы.

Оценивающая дискурсивная стратегия чаще вербализуется при помощи контрастивной тактики. Так, проповедник прибегает к контрастивному описанию небесного и земного, святости и греха, жизни и смерти, рая и ада и т.д.: *«We can compare sin to a dark cloud, which overshadows the face of the earth and does not allowed the radiance of the sun to pass through to enlighten and give life to the earth. Likewise, sin becomes the obstacle and blocks the divine radiance of God's Grace to reach man's soul. Thus sin deprives man from eternal life»* (V. Rev. Archimandrite Panteleimon P. (Lampadarios)).

Когда священник пытается описать природу праздника или явления, которое не является общеизвестным для предстоящих мирян, то он сравнивает феномен с доступными для нашего понимания событиями или апеллирует к универсальному опыту: «*The Great — Saturday, the day of life-giving Tomb*» (V. Rev. Fr. Alexander (Schmemmann)).

Тактика сравнения может касаться компаративного сопоставления норм, традиций настоящего и прошлых веков, причем чаще всего предпочтение отдается устоям общества в былых временах, например: «*В наше время, если нет детей, надо скорей разводиться, надо новую бабу скорей: давай, я хочу, я хочу. Не было этого! Взял семейный крест — неси его до конца терпеливо, не бросай его*» (схиарх. Зосима (Сокур)).

Также священник указывает на то, что подобные препятствия возникали и в жизнях святых, но контрастирует разницу между мужеством, терпением, христианским смирением последних и недостойными поступками людей в настоящее время: «*Иоаким и Анна не бросили крест своей семейной жизни, терпеливо несли, поношения бесчадства терпели, насмешки, ругательства. Их считали великими тайными грешниками, их Бог весть какими людьми плохими считали, они всё терпели. Ни о каких разводах, ни о чём не думали они...*» (схиарх. Зосима (Сокур)).

Современная жизнь с ее моральными дефектами и социальными вызовами такими как сиротство, аборт, наркомания, войны, голод являются центральными темами, на которых сосредотачивает свое внимание проповедник, предоставляя свою оценку этим феноменам. Так, например, проповедник использует тактику сравнения, когда называет аборт грехом и сравнивает его правонарушением с уголовной ответственностью: «*Today, many new born babies are born defective and misshapen, because of the sinful way of life of their parents. When parents are enslaved to alcohol and drugs; when a mother is under dangerous and unhealthy pills, or she takes medicine to abort the embryo, her own flesh and blood, in such cases the sins of the parents are charged on the children.*

Here, the criminal act is performed by the parents, and it is not an act of divine punishment from God» (V. Rev. Archimandrite Panteleimon P. (Lampadarios)).

Проповедник предоставляет оценку материальным поискам, жажде и суете современного человека, подчеркивая, что все это является пустым, бессмысленным: *«There is this thirst and hunger for nothing, but external success» (V. Rev. Fr. Alexander (Schmemann)).*

Описывая современное духовное состояние мира, проповедник придает ему низжайшую из возможных оценок, говоря, что все идет от дьявола, таким образом, внетекстуально коррелируя с мнением св. ап. Иоанна, что весь «мир лежит во зле», и поэтому принадлежит дьяволу: *«Everything is diabolos — divided and destroyed» (V. Rev. Fr. Alexander (Schmemann)).*

Дискурсивная стратегия оценки может быть представлена тактикой критики, когда священник осуждает современное поведение человечества или отдельных ее представителей, указывает на его греховность, неуместность: *«Не думали они, кто как будет смотреть их Дочь, ибо пришло время — они решили всецело Её посвятить Богу. Не мира, не внуков им надо было: «Ой, внуков хочу, не могу» — очередных мучеников рождать. Богу дитя своё посвятить, у Бога испрошенное. И куда ведут они? Не в мир дитя, а от этого мира, в храме посвящение Богу творят» (схиарх. Зосима (Сокур)).*

Священник осуждает тех христиан, которые любят свои страсти более чем Бога: *«Противάνε αυτά παρά την Εκκλησία. Αγαπάνε τα πάθη τους περισσότερο από τον Χριστό και το Ευαγγέλιό Του. Πάνω απ' όλα ο εγωισμός τους και ύστερα ο Θεός και οι εντολές Του» (Протопресβύτερος π. Στέφανος Αναγνωστόπουλος), сурово критикует поступки людей, которыми руководит жестокость, жадность, сребролюбие: «Нічого не знайшовши, крім злиднів, вони схопили немовля за ногу, викинули його з колиски і забрали тионо, яке мама зховала під дитиною. Цей вчинок не назвеш людським» (блаж. митр. Володимир (Сабодан)).*

Так, например, проповедник обличает современных людей, которые называют себя христианами, за то, что они «раскрывают двери своего сердца и приглашают сэра дьявола посидеть у них на диване, отдавая себя в его распоряжение». Проповедник иллюстрирует это жизненным примером с телевидением, когда дьявол поселяется в нашем сердце, уме, глазах и рассудке: *«Και ιδού χριστιανοί μου μια τραγική ειρωνεία. Οι περισσότεροι των χριστιανών που λένε ότι πιστεύουν στο Χριστό και στο Ευαγγέλιό Του, ανοίγουν διάπλατες τις πόρτες για να περάσουν μέσα στις καρδιές τους, στα παιδιά τους και στο σύντροφό τους, να περάσουν μέσα στο σπίτι τους, στο σαλόνι και στην κρεβατοκάμαρά τους πλήθος από δαιμόνια... Τον έχουμε του αντίχριστο με την τηλεόραση μέσα στα σπίτια μας. Κι όταν χωρίς έλεγχο την ανοίγουμε, τότε κάνει βαθιά τα χαράγματά του μέσα μας. Στις καρδιές μας, στο μυαλό μας, στα μάτια μας, στο μέτωπό μας» (Πρωτοπρεσβύτερος π. Στέφανος Αναγνωστόπουλος).*

Таким образом, рассмотрев способы реализации дискурсивной стратегии оценки в православной проповеди XX века, видим, что проповедник традиционно использует контрастивную тактику и тактики осуждения, обличения. Приемами вербализации используемых тактик является апелляция к Священному Писанию, к Церковным догматам, к человеческому опыту в целом.

Перспективой нашего исследования является рассмотрение тактических и языковых приемов реализации каждой отдельно взятой дискурсивной стратегии православной проповеди XX века на материале русского, украинского, английского и новогреческого языков.

Λитература

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. — Омск: ЛКИ, 1999. — 288 с.
2. Салахова А. Г.-Б. Конфессиональная языковая личность: коммуникативные стратегии и тактики: монография / А. Г.-Б. Салахова. — Челябинск: Энциклопедия, 2013. — 166 с.

Шаяхмет А.

Доцент, кандидат филологических наук,
КазНУ им. аль-Фараби
aschajach@yandex.com

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ СИМУЛЬТАННЫХ БИЛИНГВОВ

Языковая интерференция в речи билингвов обычно понимается как влияние родного языка индивидуума на его/ее второй язык; в случае симультанного усвоения двух языков, когда происходит параллельное овладение языками, мы можем говорить о языковой интерференции как взаимовлиянии языков, которыми владеет двуязычная личность, проявляющемся в его речевой (как устной, так и письменной) деятельности.

В ходе исследования, куда были вовлечены двуязычные дети младшего школьного возраста, являющиеся естественными билингвами и говорящие на казахском (родном) и русском языках, нами был собран определенный фактический лингвистический материал, позволяющий нам выделить различные типы межъязыковой интерференции, которая проявляется в русской и казахской речи билингвальных детей.

Современная языковая ситуация в Казахстане позволяет констатировать факты формирования симультанного казахско-русского двуязычия благодаря параллельному функционированию в макросоциуме двух языков – казахского государственного и русского – языка межнационального общения.

С точки зрения типологического и сравнительно-исторического языкознания, казахский и русский языки относятся к различным типам: первый представляет агглютинативный тип языков, в то время как второй – флективный или флектирующий; генеалогически русский язык является представителем восточно-славянской ветви индоевропейской языковой семьи, тогда как казахский –

один из западно-гуннских языков тюркской ветви алтайской семьи. Многие случаи интерференции мы склонны объяснять данными объективными характеристиками языков, на которых говорят билингвальные казахские дети, при анализе мы обращаем больше внимания их русской речи по вполне понятным причинам, обуславливающим данную публикацию.

Одна из интерференционных особенностей русской речи казахских младших школьников проявляется вследствие сингармонизма фонологической системы казахского языка, например, детям с доминирующим казахским языком представляется затруднительным произносить русские слова с несколькими согласными, не чередующимися гласными, что не характерно для исконно казахских слов, например, слово «анекдот», со стыком [к] и [д], произносится как «ане[гэ]дот». Превращение глухого заднеязычного в звонкий согласный с той же характеристикой места образования может быть объяснен также сингармонизмом, хотя в речи моноязычных носителей переход [к] в [г] вызывается явлением регрессивной ассимиляции согласных в русском языке, в данном случае – контактной, так как между согласными нет других звуков, и по признаку звонкости-глухости происходит озвончение предыдущего согласного, так что в последнем случае речь уже не может идти об интерференции.

Несовпадением грамматических категорий или наличием/отсутствием каких-либо из них также обусловлен ряд интерференционных речевых ошибок двуязычных детей младшего школьного возраста. К примеру, отсутствие грамматической категории рода в казахском языке приводит к нарушениям в согласовании прилагательных, притяжательных местоимений или порядковых числительных с именами существительными: «моя дядя», «большое дыня», «второй машина», а также приводит к смешению падежных форм в склонениях имен существительных, что особенно ярко проявляется в творительном падеже русского языка: «с солем» (вместо «с

солью»), «с яйцой» (вместо «с яйцом»), «с яблокой» (вместо «с яблоком»).

Данные примеры также следует отличать от ошибок, которые допускаются монолингвальными детьми (и взрослыми), говорящими только по-русски, для которых русский язык является родным, например, «мое день рождения» или «мое день рождение», при этом часто последнее словосочетание склонно функционировать как одно слово, то есть «деньрождение».

Наличие инструментального падежа в казахском языке, соответствующего в контексте творительному падежу русского языка, приводит к сверхгенерализации в употреблении предлога «с» в русской речи, не требующей в подобном словосочетании предлога в принципе: «написал с ручкой», «нарисовала с карандашом» и тому подобное.

Отсутствие грамматической категории вида в казахском языке дает интерференцию, проявляющуюся в нечетком различении форм совершенного и несовершенного вида русских глаголов, к примеру, дети могут сказать «уже писал» вместо «уже написал» и наоборот.

Определенную сложность представляют и аналитические формы будущего времени в русском языке, несмотря на то, что в казахском языке подобные формы используются широко в рамках разветвленной системы аналитических форм настоящего, прошедшего и будущего времен. Мы склонны связывать подобные ошибки с вышеназванной грамматической категорией вида в русском языке, к примеру, «буду написать» (вместо «напишу» или «буду писать»), «буду посмотреть» (вместо «посмотрю» или «буду смотреть»).

Некоторые виды интерференции не могут быть детерминированы генетическими или типологическими различиями языков, функционирующих в речи билингвальных школьников, поскольку подобные явления находятся и во многих примерах двуязычной речи в случаях, когда двуязычные носители языков обладают активными речевыми навыками в близкородственных языках. В этом

случае можно утверждать о проявлении случаев лексического смешения на уровне бессознательного переключения языковых кодов (code switching).

Лексические элементы казахского языка могут проникать в русскую речь, и наоборот, но при это мы не имеем в виду случаи использования так называемых варваризмов, экзотизмов и т.п. лексических единиц, функционирующих в качестве лингвокультурологического компонента речевой деятельности. Например, вместо русского слова «бабушка» казахские дети используют часто казахские лексемы «апа» или «эже», но в то же время ярко выраженное смешение «апашка» или «ажешка» (для «дедушки» - «ата» - соответственно «аташка») – можно найти только в русской речи двуязычных детей, в монологичной речи русский суффикс «-к-» с номинативным окончанием «-а» в сочетании с интерфиксом «ш» не встречается.

Однако мы должны заметить, что чем старше становится школьник, тем меньше интерферирующих явлений на любом уровне в его русской речи можно наблюдать. Мы склонны объяснять это фактором социализации личности, другими словами, чем больше вовлечен младший школьник в коммуникативные процессы в рамках социума, будь то макросоциум, подразумевающий государственные институты коммуникации, или различный набор микросоциумов, индивидуальный в каждом определенном случае, чем старше становится ребенок, тем активнее его навыки в использовании русского языка. Проблема социализации формирующейся двуязычной личности, с нашей точки зрения, отражает коммуникативные и лингвистические реалии общества, а котором сосуществуют и функционируют данные языки.

Современная языковая ситуация в Казахстане может быть охарактеризована в социолингвистической терминологии как: экzogлоссная, так как представляет собой совокупность различных национальных языков, главными среди которых являются казахский и русский;

несбалансированная, поскольку данная совокупность складывается из языков разной коммуникативной мощности с приоритетом русского языка; неравновесная и развивающаяся в силу различных экстралингвистических факторов.

Среди исследованных двуязычных детей младшего школьного возраста мы выделяем три условные группы. Первая группа состоит из детей, у которых доминирующим является казахский язык, во второй группе доминирует русский язык, третья группа включает детей с относительно равным языковым балансом, они примерно одинаково хорошо говорят и по-казахски, и по-русски, хотя имеются различия в письменной и устной речи одного и того же школьника. Приведенные в данной статье примеры характерны для нашей первой группы младших школьников, в то время как дети с доминирующим русским языком допускают единичные ошибки, характерные и для контрольной монолингвальной группы, состоящей из детей, для которых русский язык является родным.

В заключение заметим, что двуязычие детей младшего школьного возраста подвержено изменению и в плане соотношения языков, и в отношении содержания различных видов межъязыковой интерференции, и в количественных показателях рассмотренных нами речевых ошибок, точнее, их уменьшения; другими словами, интерференционные явления, характерные для детей первого класса, гораздо реже встречаются в речи четвероклассников, что подтверждает наше представление о детском двуязычии как динамичном и изменяющемся под влиянием детерминантов сложном процессе.

СЕКЦИЯ 6. Прикладная и математическая лингвистика

Антипова А. П.

Ассистент кафедры иностранных языков Московского государственного областного университета

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА LSP (ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ)

Известно, что английский язык является универсальным средством коммуникации в современном многоязычном мире. Международные контакты осуществляются в рамках всех видов взаимоотношений, в том числе общения специалистов из разных стран. Стремление к сотрудничеству, подъем уровня образования, межкультурное взаимодействие, принятие Болонской декларации в Европе в 1999 году и ее подписание в РФ в 2003 году свидетельствуют о повышении значимости английского языка как средства профессионального общения специалистов. Существует необходимость построения курса английского языка таким образом, чтобы он отвечал всем требованиям подготовки высококачественных специалистов в любой области. Сочетание учебной деятельности с элементами профессиональной представляет собой первостепенную задачу для педагога, что создает условия для гармоничного развития необходимых компетенций. Учет особенностей профессионального ориентирования в обучении является важнейшим критерием при построении курса английского языка, в том числе, на неязыковых факультетах.

Для того, чтобы осуществить поставленную задачу, в первую очередь необходимо определить значение термина «язык для специальных целей» или LSP (Language for Specific Purposes), его содержание и интерпретацию в

работах зарубежных и российских исследователей, а так же обосновать актуальность данной темы в современной лингвистике.

Понятие LSP в зарубежной лингвистике, значение термина

Выделение LSP как особой разновидности английского языка произошло в качестве реакции на современные тенденции образования и развитие общества. Еще в 1920-х годах Пражский лингвистический кружок обосновал изучение языка с точки зрения его функционирования в различных ситуациях общения. В 1930-х годах в Германии лингвисты описали функционирование «языка для особых целей» (Fachsprachen). Затем в 1950-х гг. работа Сэйвори «Язык науки: его становление, характер и использование» (Savory Th. H. The language of science: Its growth, character and usage. - Ln.: A.Deutsch Ltd., 1953) заложила основу теории «языков для специальных целей».

По мнению автора, деятельность человека всегда отражалась через язык и сохранялась в нем. В научной речи Сэйвори разделяет общенаучную лексику, заимствования и неологизмы, созданные на основе уже существующих понятий [8, стр.34]. В работе говорится о том, что язык науки развивается с XVI века через изучение анатомии и биологии с последующим закреплением в языке научных терминов, относящихся к данным областям знаний. В XVII-XVIII веках появляются новые понятия в области физики, математики, химии и зоологии. XIX век был ознаменован прорывом в различных областях знаний (Научно-техническая революция), и процесс развития научного стиля и языка науки заметно ускорился. Технологические открытия последующих XX-XXI веков дали толчок формированию новых научных областей, связанных с современными высокотехническими разработками. Бизнесмены, врачи, механики нуждались в доступе к специализированной литературе, журналам, инструкциям с целью расширения

профессиональных навыков и получения актуальной информации в сфере своей научной деятельности. Научная речь обеспечивает решение определенных коммуникативных задач в сфере профессионального общения специалистов. Сэйвори указывает, что функционирование языка науки связано с тем, что «одно и то же значение может быть выражено разными словами» [8, стр.81], поэтому научная речь лишена метафоричности и выразительности в пользу точности в выборе слов, ясности высказывания.

Таким образом, во второй половине XX века английский язык получает новую цель – служить инструментом интернационального общения в рамках конкретной профессиональной сферы коммуникации. Именно на основе *потребностей* изучающих язык в лингвистике постепенно начало формироваться понятие LSP и его структура.

Еще одна из самых ранних работ в этой области была опубликована Барбером (Barber C. *Some Measurable Characteristics of Modern Scientific Prose // Contributions to English Syntax and Philology.* – Stockholm, 1962). В ней ученый описывает природу научного английского (Scientific English). С этого момента в 1960-70х гг. начали публиковаться исследования о различиях письменного научного (written scientific) и технического (technical) английского. Обсуждение данного вопроса на интернациональном уровне приходится на 1977 год, когда в Вене впервые был проведен симпозиум, посвященный «языку для специальных целей». Необходимо отметить, что формирование термина LSP осуществлялось прежде всего на основе *научного общения* специалистов. Внимание ученых было направлено на английский язык для науки и техники (English for Science and Technology).

Впервые термин LSP фигурирует в работах Т. Хатчинсона и Уотерса, посвященных «языку для специальных целей» (Hutchinson T., Waters A. *English for Specific Purposes: A Learning-centered Approach.* – Cambridge, 1987), в которой представлена система разновидностей

«языка для специальных целей», а именно английского языка (English for Specific Purposes (ESP)). Далее понятия LSP и ESP будут представлены нами синонимично. Многообразие разновидностей LSP, представленное в вышеуказанной работе Хатчинсона и Уотерса, видится нами основой формирования понятия «языка профессионального общения», так как особенности различных сфер профессиональной деятельности позволяют выделить определяющие черты LSP, включающие в себя особенности лексического состава, морфологической структуры, жанровую и функциональную принадлежность текстов. В английской лингвистике LSP рассматривается с позиции прикладной лингвистики, концентрируясь на стилистических чертах и отборе определенного лексического состава.

Существует множество определений LSP, и для того, чтобы выделить наиболее точное из них, рассмотрим интерпретацию данного явления в работах нескольких ученых.

«Английский для специальных целей» рассматривается в работах П. Стревенсона (Strevens, P. ESP after twenty years: A re-appraisal. In M. Tickoo (Ed.). - SEAMEO Regional Language Centre, 1988). ESP, как считает автор, представляет собой сложное *понятие*, сочетающее в себе абсолютные или постоянные характеристики и непостоянные свойства. К абсолютным характеристикам Стревенс относит тот факт, что курс обучения LSP построен с целью удовлетворить специфические требования учащихся к процессу и результатам обучения. К непостоянным характеристикам автор относит две особенности в обучении: курс ESP может быть ограничен отработкой определенных языковых навыков, например, навыков чтения; второй особенностью Стревенс считает отсутствие специально разработанной методики в обучении ESP [9, стр. 10].

Определение П. Робинсона (Robinson P. ESP (English for Specific Purposes) Today: A Practitioner's Guide. – N-Y., Lnd., 1991.) основано на двух критериях. Во-первых, изучение ESP видится ученым как целенаправленный

процесс; во-вторых, курс ESP, по мнению Робинсона, построен на анализе *потребностей* изучения, целью которого является выявление конкретных задач, стоящих перед студентами в изучении английского языка, а также на ряде характеристик, которые определяют структуру курса обучения. Они включают в себя ограниченность временного периода, за который должны быть достигнуты определенные цели, и направленность курса на взрослую аудиторию обучающихся. При этом курс должен быть основан на использовании специализированного материала, имеющего отношение к роду деятельности студентов [7, стр. 23].

Дадли-Эванс (Dudley-Evans, T. *Developments in English for Specific Purposes: A multi-disciplinary approach*. - Cambridge University Press, 1998.) представил доработанное определение Стреванса. Абсолютные характеристики рассмотрены более структурировано и включают в себя следующие пункты: а) курс ESP построен таким образом, чтобы удовлетворить специфические потребности изучающих; б) в основе ESP лежит методология той дисциплины, на которую направлен курс обучения; в) курс ESP основан на использовании тех грамматических, лексических и синтаксических конструкций и жанров, которые функционируют в соответствующей обучению деятельности. К непостоянным характеристикам автор относит следующие особенности: а) обучение ESP может быть разработано в соответствии со спецификой изучаемых дисциплин; б) методология обучения LSP может отличаться от методологии обучения общему английскому; в) ESP предназначен студентам старших курсов обучения и направлен на отработку профессиональных навыков, но также может быть использован в обучении учеников средней школы; г) курс ориентирован на студентов со знанием английского не ниже среднего (*intermediate, upper-intermediate, advanced*); д) для изучения ESP требуются базовые знания системы английского языка [5, стр.4].

В работе Дадли-Эванса так же представлена система, представляющая собой разделение ESP на «английский для

учебных целей» (English for Academic Purposes) и «английский для профессиональных целей» (English for Occupational Purposes), что позволяет строить курс обучения в соответствии с требуемыми навыками.

Приведенные определения, учитывающие все особенности LSP, приводят нас к выводу о полиструктурности и сложности данного явления в современной лингвистике. Тем не менее, существует еще одно определение, представленное Хатчинсоном и Уотерсом, которое интерпретирует «язык для специальных целей» с другой точки зрения. По их мнению, LSP – это *подход* к изучению английского языка, основанный на построении курса обучения с целью удовлетворить потребности изучающих язык с той или иной профессиональной целью [6, стр.10]. Это определение не подразумевает использования определенной методики, так как главная роль в процессе обучения отводится потребностям учащихся. Отметим, что данное определение, описывающее LSP как *подход* к обучению, является наиболее точным в контексте современных методик преподавания английского языка.

Разнообразие интерпретаций «языка для специальных целей» не позволяет ученым сформулировать единую теорию о природе LSP, что ведет за собой появление различных подходов к толкованию этого явления. Именно поэтому данный вопрос в лингвистике остается неразрешенным и является актуальным для современных исследователей.

Изучение «языка для специальных целей» в рамках отечественной школы функциональной лингвистики

Функциональная стилистика является одним из главных направлений современной отечественной лингвистики, и ее выделение приходится на 50-е годы XX столетия. Известно, что язык как средство общения представляет собой сложную структуру, выполняющую функцию общения, и подвергается воздействию лингвистических и экстралингвистических факторов. Поэтому функционирование языковых единиц

рассматривается с точки зрения цели общения, области, ситуации и выбора определенных лексических средств. М.Н. Кожина в учебнике «Стилистика русского языка» дает следующее определение функциональному стилю: «Функциональный стиль – это своеобразный *характер речи* той или иной социальной ее разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемый особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией» [1, стр.91].

В русской лингвистике изучение «языка для специальных целей» как особой разновидности английского языка берет начало в 1960-х гг. в статье профессора Ольги Ахмановой “What is the English we Use?”, где автором затронут вопрос эффективности профессионально ориентированной коммуникации на английском языке. В одноименном учебнике 1978 года, изданном в соавторстве с Роландасом Ф. Идзелисом, Ольга Ахманова описывает профессиональное общение филологов-лингвистов, основанное на выборе единиц определенного регистра английского языка. Автор отмечает необходимость отбора конкретного языкового материала и текстов, которые позволят обучающимся представлять себе *модель, образец* для общения на профессиональном уровне [4, стр.9]. В данном пособии освещены вопросы анализа и отбора лингвистического материала, составляющего основу изучения студентов данной специальности.

А.И. Комарова в своем исследовании «Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP)» рассматривает «язык для специальных целей» в рамках научного стиля как явление с неоднородной структурой, подход к которому может осуществляться с нескольких позиций. А.И. Комарова так же отмечает, что при наличии большого количества исследований LSP ученые не могут дать точного определения этому явлению. Данный вопрос можно рассматривать как с лингвистической, так и с

лингводидактической позиции, что говорит о многоуровневой структуре LSP. Автор описывает «язык для специальных целей» как «*функционально-стилистическую разновидность* английского языка, которая используется при общении на ту или иную специальную тему» [2, стр. 34].

Для сравнения представим определение Т.Н. Хомутовой, которая в своей статье «Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект» рассматривает LSP следующим образом: «LSP – *функциональная разновидность* языка, целью которой является обеспечить адекватное и эффективное общение специалистов» [3, стр.98].

Таким образом, изучение LSP в отечественной лингвистике осуществлялось, в основном, в рамках функциональной стилистики, и ученые сошлись во мнении, что LSP является разновидностью языка. Необходимо добавить, что рассмотрение LSP как разновидности научной речи включает в себя анализ лексики, форм глаголов, прилагательных, синтаксических конструкций, особенностей выбора регистра речи. Жанровое разнообразие научных текстов в отечественной функциональной стилистике представлено следующими видами: монография, статья, доклад, диссертация, словарь, справочник, учебник и т.д. Данные жанры обеспечивают изучение, анализ и функционирование «языка для специальных целей», но вопрос функционирования языка профессионального общения остается открытым для изучения, так как актуальность этой темы в современной отечественной лингвистике заметно возросла в последние десятилетия.

При наличии различных точек зрения и подходов к изучению LSP, ученые сходятся во мнении, что «язык для специальных целей» как специфическая разновидность языка подразумевает овладение языком в интересах профессии или учебы. Язык – это предмет изучения лингвистики, а специальные цели его изучения относятся к лингводидактике и методике. Из этого следует, что проблема LSP - междисциплинарная и затрагивает не только функциональную стилистику.

На основе рассмотренных научных исследований, посвященных природе «языка для специальных целей» с 1960-х годов, можно прийти к заключению, что изучение LSP осуществлялось в несколько этапов. Перед исследователями стояла задача осмысления лексического уровня и терминологии, что привело к созданию специализированной литературы и словарей профессиональной тематики. Так же интерес ученых был направлен на синтаксическую структуру текстов LSP, моделям построения предложений и морфологическим особенностям.

Но сложность в изучении данного явления заключается не только в различиях подходов к проблеме. Необходимо отметить так же состав учебного материала, составление и отбор аутентичных текстов, учет особенностей авторского стиля. Различия в методике преподавания LSP так же составляют трудность в процессе обучения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что LSP на данный момент представляет собой сложное и разностороннее явление, которое является предметом изучения лингвистов разных стран. С учетом всех рассмотренных особенностей LSP и его интерпретаций можно сказать, что вопрос о профессиональной коммуникации специалистов остается открытым и актуальным для современных исследователей не только в области функциональной стилистики, но и в области преподавания английского языка вообще. «Язык для специальных целей» видится нами важным объектом исследования ввиду полиструктурности этого явления, жанрового разнообразия и различий в интерпретации понятия LSP.

Литература

1. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник/М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – 3-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.- 464 с.

2. Комарова А.И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 192 с.
3. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «Киберленинка»: [сайт]. [2012]. URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-dlya-spetsialnyh-tseley-lsp-lingvisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 20.02.2013).
4. Akhmanova O. Idzelis R. What is the English we use? - Moscow: Moscow University Press, 1978. - 157 p.
5. Dudley-Evans, T. St John M.J. Developments in English for Specific Purposes: A multi-disciplinary approach. - Cambridge University Press, 1998. – 300 p.
6. Hutchinson T. Waters A. English for Specific Purposes. A Learning-centered Approach. – Cambridge University Press, 1991. – 183 p.
7. Robinson P. ESP (English for Specific Purposes) Today: A Practitioner's Guide. – N-Y., Lnd., 1991. – 268 p.
8. Savory Th. H. The language of science: Its growth, character and usage. - Ln.: A.Deutsch Ltd., 1953. - 173 p.
9. Strevens, P. ESP after twenty years: A re-appraisal. In M. Tickoo (Ed.). - SEAMEO Regional Language Centre, 1988. – 183 p.